

Атомный ангел

Автор:

[Питер Джеймс](#)

Атомный ангел

Питер Джеймс

Питер Джеймс. Убийственно крутой детектив

Один из первых романов Питера Джеймса, создателя всемирно признанной серии романов о суперинтенданте Рое Грейсе, автора множества бестселлеров New York Times и Sunday Times, лауреата ряда литературных премий. Его книги были переведены на 37 языков и разошлись по всему миру тиражом более 19 миллионов экземпляров.

«Операция Ангел»... Что может скрываться под таким очаровательным названием? Лишь немногие люди во всем мире знают: ангел – атомный, одним взмахом своего крыла способный стирать с лица земли целые города. В ходе грандиозной террористической операции должно быть уничтожено огромное количество людей в Европе и в США. И лишь один человек способен остановить полет чудовищного создания. Его зовут Флинн. Макс Флинн. Специальный агент МИ-5 на службе Ее Величества. И он не верит в ангелов – только в себя...

Питер Джеймс

Атомный ангел

Peter James

Atom Bomb Angel

© Peter James 1982

© Холмогорова Н., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

В последнем «сидячем» вагоне ехали пятеро. Двое читали, один смотрел в окно, один спал, один ковырял в носу. Поезд шел через всю Канаду, от Ванкувера до Монреаля. Четырнадцать с половиной часов назад он вышел из Виннипега, а в Монреаль прибывал больше чем через сутки. И предполагалось, что к моменту прибытия в Монреаль один из пятерых – ваш покорный слуга – будет мертв.

Если кто-то из пятерых и был знаком друг с другом, ни один этого не показывал. Напротив, как это часто бывает в поездах, все старательно не замечали остальных. Попытались вычислить друг друга – аккуратно, не привлекая внимания остальных, – лишь двое: я и тот, что планировал меня убить.

Я машинально перелистывал страницы книги – Лилиан Беквит «Одинокие холмы». Пейзаж за окном подсказывал, что не только холмы бывают одинокими. Одиночеством веяло и от бесконечной заснеженной степи, раскинувшейся за окном. Вокруг меня царило одиночество.

Тот мой сосед, что читал «Тайм лайф», встал, покачнулся вместе с вагоном и начал пробираться к выходу, по дороге наступив мне на ногу.

– Извините, – сказал он.

– Все нормально, не стесняйтесь, – ответил я.

Сосед, как видно, не понял, что на это ответить, – и ничего отвечать не стал. Несколько секунд постоял нерешительно в дверях, затем скрылся в соседнем вагоне. Я встретился взглядом с тем, кто ковырял в носу; он опустил глаза, затем дважды взглянул украдкой в мою сторону. Оба раза обнаружил, что я все еще на него смотрю; снова опустил глаза, нахмурился, выдернул палец из носа и начал пристально рассматривать его, словно ученый, желающий установить, как подействовало на объект пребывание в незнакомой среде.

Тот, что смотрел в окно, поднял руку и принялся ощупывать подбородок и щеки в поисках щетины. Не найдя там зарослей, удовлетворенно кивнул, откинулся на сиденье и стал смотреть в потолок.

Тот, что спал, ритмично покачивал головой вверх-вниз вместе с движениями вагона, причем его рот то открывался, то закрывался. Как рыбы в аквариуме – те тонкие тропические рыбы, что скользят среди водорослей, пялясь на мир бессмысленными круглыми глазами.

На последней станции я видел плакат: группа бодрых седовласых старичков в спортивных костюмах бежит по полю, и подпись: «Мы становимся не старше; мы становимся лучше».

Становимся лучше... Интересно, в чем? Я определенно становлюсь старше – и, на мой вкус, слишком быстро, – но совершенно точно ни в чем не улучшаюсь. А жаль. Нужно знать и уметь куда больше, чем я, дабы удержаться в этой странной, непредсказуемой, соблазнительной игре, что фаталисты именуют «судьбой», священники – «путями Господними», а биологи – «жизнью».

Сейчас ключ к моей жизни хранится в портфеле – портфеле на багажной полке, над головами у четырех моих спутников. Всего портфелей там пять. Два черных «Самсонайта», два дешевых кожаных портфеля из тех, что делаются в Гонконге и продаются по почтовой рассылке через рекламные объявления в глянцевого воскресных приложениях, и один «Гуччи» – настоящий, не подделка.

Один «Самсонайт» можно вычеркнуть – это мой. Значит, остаются четыре. Содержимое одного из них сообщит мне, кто хочет меня убить; впрочем, разумеется, убийца не станет открывать портфель у меня на глазах.

Крайне маловероятно, что мужчина, взяв с собой в долгое путешествие портфель, ни разу его не откроет. Даже в часовой поездке на автобусе большинство из нас хоть раз да щелкнут замком. Если поездка длится часа четыре, человек, так и не открывший портфель, привлечет внимание любого, кому достанет любопытства это заметить. А мне сейчас любопытства было не занимать.

Я отложил книгу, достал «Нью-Йорк санди таймс» и развернул на странице с кроссвордом. Вытащил из кармана золотую шариковую ручку «Кросс», в задумчивости сунул ее в рот. Обвел вагон рассеянным взглядом, пару раз постучал колпачком по зубам и снова опустил глаза на кроссворд. «Граница между свободой и рабством, разделившая народ», девятнадцать букв. А черт его знает! Обычно я кроссворды люблю: они помогали скрашивать долгие и скучные часы слезки, когда читать нельзя, чтобы не упустить чего-то важного, а угадывание слов дает хоть какую-то пищу уму. Однако сейчас пищи для ума у меня и так было достаточно. Передо мной стояла загадка куда более сложная, и, если не разгадать ее быстро, один английский пенсионный фонд с облегчением узнает, что ему предстоит платить на одну пенсию меньше. Прищурившись, я вглядывался в кроссворд – однако в буквах на бумаге не было ключей, способных мне помочь. Ключи хранились в другом месте – в цифрах на вращающемся циферблате, спрятанном в моей ручке.

Прошло еще несколько минут, и я почувствовал, что затекает правая нога – в пятнадцатый раз за день. Попробовал ею пошевелить: стало чертовски больно. Надо пройтись, подумал я, – если, конечно, смогу встать. С самой посадки на поезд в Виннипеге прошлым вечером я не поднимался с места, если не считать одного короткого похода в туалет. Опустил сиденье, чтобы поспать, снова поднял утром, чтобы съесть завтрак на подносе. Голова раскалывалась, из носа текло, и выглядел я, должно быть, как наглядное доказательство преимущества авиаперелетов.

Запомнив, как лежат портфели – на случай, если какой-то из них сдвинется с места, – я захромал по проходу в соседний спальный вагон первого класса. И там увидел ее. Она сидела в отдельном купе и, когда я проходил мимо, на миг подняла глаза. Наши взгляды встретились. На ее лице ничего не отразилось. Сейчас она была рыжеволосой и в очках, при прошлой нашей встрече – блондинкой без очков. Два года прошло: достаточно, чтобы измениться, слишком мало, чтобы забыть. Неужели обознался?

Глава 2

Все началось пасмурным сентябрьским утром почти четыре месяца назад. Человек, позвонивший мне, воспользовался кодом одного из наших ливийских оперативников – и, судя по голосу, умирал от страха.

Поначалу, когда его переключили на меня, я даже не понял, что он боится. Подумал: просто нервничает от того, что не может толком со мной объясниться, как часто случается с людьми, говорящими на плохо знакомом языке.

– Алло! Мистер Флинн? Я Ахмед.

– Да?

– Как поживаете?

– Спасибо, прекрасно. Что вам нужно?

– Простите?

– Что вам нужно? Че-го вы хо-ти-те?

– Нет, это я, Ахмед.

Может, какой-то страховщик с Ближнего Востока, переехав в Англию, совершает здесь свой первый «холодный» обзвон?.. В общем, я едва не бросил трубку. Как теперь понимаю, лучше бы бросил. Для обоих нас лучше.

– Я звонить за Дональд Фроум. Он в беда. Пожалуйста, приезжать!

– Что за беда?

– Простите?

– Какая беда случилась с Дональдом Фроумом?

– Пожалуйста! Я не могу говорить. Пожалуйста, приезжать! Мужской туалет, отель «Ройял Ланкастер», двенадцать часов. Приезжать! Пожалуйста!

В трубке раздались гудки.

Я взглянул на часы: почти половина двенадцатого. Ловушка? Вряд ли. Неведомый Ахмед говорил по-настоящему испуганно. Можно подделать немало эмоций, но труднее всего изобразить страх – а у меня до сих пор звенело в голове от дрожи в его голосе.

Такси я отпустил за пару сотен ярдов от Бейзуотер-роуд: пробок в этот час не было, я успевал раньше назначенного времени и не хотел крутиться, привлекая к себе внимание, ни в холле отеля, ни в уборной.

Погода не радовала. Весь июнь, июль и август с небес лило без передышки. В сентябре синоптики обещали бабье лето, но и оно куда-то провалилось – или, скорее, утонуло. Я брел под морозящим дождем, сунув руки в карманы, и предавался унынию. Жизнь и так дерьмо, а теперь еще дни становятся все короче, воздух все холоднее, впереди долгая, долгая зима и беспроглядная темень.

Мне тридцать два, и восемь лет я проработал на МИ-5[1 - МИ-5 (англ. MI-5) – служба контрразведки Великобритании.]. Да, восемь лет назад бо?льшую часть чудесного лета я провел в Париже. Там-то на меня и наткнулись искатели талантов из МИ-5 – и невесть с чего решили, что такой сомнительный тип идеально вольется в их дружную компанию. Меня самого, разумеется, не спрашивали. Договорились по-приятельски с коллегами из парижской «Сюртэ»[2 - «Сюртэ насъональ», «Сюртэ» («Безопасность») – Главное управление национальной безопасности Министерства внутренних дел Франции.], подставили меня и упекли в парижскую каталажку с перспективой не выйти оттуда до пенсии – если не соглашусь присоединиться к английской разведке.

Строго говоря, виноват был, конечно, я сам. Подвела жажда легких денег. Однако требовать за свою помощь пожизненной верной службы – на мой взгляд, алчность куда более серьезная. Со временем я смирился, хотя порой задумывался о том, что жизнь моя могла бы сложиться совсем иначе.

Терпеть не могу бумажную работу, а в МИ-5 мои обязанности состояли из бумажной работы почти целиком. Меня прикрепили к С-4 – антитеррористическому отделу и поручили готовить для моего шефа, директора МИ-5 сэра Чарльза Каннингэм-Хоупа, более известного как Файфшир, настоящую энциклопедию террористов Соединенного Королевства. Уверен, ему представлялся этакий гляцевый фолиант размером с кофейный столик, из тех, что дарят друзьям на день рождения, и чтобы на каждой странице – красочная фотография террориста, а под ней несколько строк об ареале его обитания, рационе и брачных ритуалах. Однако к делу Файфшир подходил очень серьезно. Наступая на пятки МИ-6[3 - МИ-6 (англ. MI-6) – служба внешнеполитической разведки Великобритании.] (любимое его занятие), он разработал амбициозную программу проникновения во все ключевые террористические организации мира. Дональд Фроум сумел внедриться в лагерь Марзук – Итон среди тренировочных лагерей полковника Каддафи – и несколько месяцев поставлял нам оттуда поистине бесценную информацию. Если он попал в беду – это очень, очень плохо. Для него, конечно, не для нас; но беднягу было чертовски жаль.

Я подошел к гостинице – мрачному серому зданию – и вошел через вращающуюся дверь.

Внутри гостиница выглядела, пожалуй, еще мрачнее, чем снаружи. Возле сумрачного ряда киосков с сигаретами, конфетами, газетами и бреймарскими свитерами было на удивление пусто, продавцы скучали за прилавками. Несколько гостиничных служащих в форменных костюмах вяло тусовались по углам. Никто не проявил ко мне интереса.

Я поднялся по лестнице, прошел по коридору мимо ряда стендов и обнаружил мужской туалет. Там было пусто. Едва я открыл воду, чтобы не торчать здесь без дела, как дверь отворилась и в уборную влетел араб в грязной белой джеллабе[4 - Джеллаба – традиционная берберская одежда, представляющая собой длинный, с остrokонечным капюшоном свободный халат с пышными рукавами; распространена в странах Северной Африки.] и коричневых сандалиях. Лет тридцати пяти, маленький и щуплый, он обвел помещение затравленным взглядом, поднял испуганные глазки на меня – и, не трудясь спрашивать, кто я, заговорил торопливо и сбивчиво:

– Пожалуйста, пожалуйста! Сюда! Сюда! Чтобы нас никто не видеть! – И замахал руками по направлению к кабинкам.

Затем подбежал к входной двери и подсунул под нее монету – скрежет предупредит, если кто-то войдет. Почти втолкнул меня в кабинку, сам вбежал в соседнюю. Я приспустил штаны, чтобы любой, кто заглянет под дверь, не увидел ничего необычного, и сел.

– Спасибо, что прийти! Спасибо! – воскликнул араб.

– Друг мой, все хорошо.

– Я быстро!

– Не спешите.

– Дональд Фроум очень, очень плохо! Я думаю, он умереть.

– Что случилось?

– Его поймать. Не знаю как. Не знаю. Кто-то его раскрыть. Он передать мне послание для вас. Он записать. Я слишком бояться, я прочитать и сжечь. Он говорить, это очень важно, говорить, обязательно передать вам... Мне трудно, я плохо говорить английский...

– Ничего, продолжайте.

– Он писать английский, я плохо понимать, нельзя никто попросить помочь... Он сказать главное: «Операция Ангел». Самое главное. «Операция Ангел». Много стран. Очень, очень плохо! Ядерные станции – они взорваться...

– Кто их взорвет?

Монета скрипнула на мраморном полу. Послышались шаги – щелканье подошв сандалий. Еще один араб.

– Ахмед! – позвал кто-то шепотом.

Араб в кабинке рядом со мной ответил что-то, чего я не понял. Затем раздался треск: слетела с петель дверь кабинки. За треском последовал крик ужаса, секунду спустя превратившийся в вопль невыносимой боли. Вопль оборвался; донесся странный булькающий звук. Одной рукой натягивая штаны, другой я выхватил из кобуры «Беретту». Снаружи вновь послышалось щелканье сандалий – быстрые удаляющиеся шаги, хлопнула дверь.

Я вылетел наружу, на ходу застегивая ширинку, и бросился к кабинке Ахмеда. Дверь, снесенная с петель, болталась на задвижке. На унитазе сидел залитый кровью труп. Голова Ахмеда, почти отрубленная, упала на грудь под странным углом, и целый фонтан крови заливал джеллабу. Руки его были раскинуты и неподвижны, но еще дергалась левая щека.

Рвотные позывы подступили к горлу: я сглотнул, чтобы удержать тошноту. Ахмед говорил правду, и только что я получил лучшее тому подтверждение.

В ужасе смотрел я на труп человека, только что говорившего со мной. Но скоро ужас сменился яростью. Будь прокляты эти ублюдки-террористы, рыщущие по моему городу – по моему миру! Я найду убийц и преподам им урок, которого они никогда не забудут!

Я бросился в коридор. Там никого не было. Промчался до фойе и заметил, как захлопывается боковая дверь. Не раздумывая, выбежал в эту дверь – и как раз вовремя: увидел, как араб буквально прыгает на заднее сиденье грязного серого «Фиата» и машина срывается с места.

Я быстро оглянулся вокруг в поисках транспорта. У крыльца стояло такси со светящейся табличкой «Свободно». Я рванул туда.

– Едем за тем серым «Фиатом»!

– Чего?

– За серым «Фиатом»! Скорее!

– Эй, тебе тут кино, что ли?

– Нет, это чаевые в десять фунтов! Делай, что говорят!

Водитель послушался. У первого же поворота «Фиат» замедлил ход, так что мы сели ему на хвост.

– Держись за ним! Не теряй из виду!

– Ладно, попробую.

Минут пятнадцать он «пробовал» вполне успешно. Трое арабов в «Фиате» уже начали паниковать. То и дело они оглядывались назад – и каждый раз видели одно и то же: наше такси. Двигались мы к Уэмбли и шоссе М-40, где, видимо, «Фиат» надеялся от нас оторваться. Вдруг один араб на заднем сиденье высунул руку в окно и дважды выстрелил. Одна пуля пролетела мимо, другая пробила аккуратную дыру с левой стороны лобового стекла.

Таксист ударил по тормозам.

– Так, приятель, приехали! За десять фунтов пулю получить – на фиг надо! На такое я и за миллион не соглашусь! Вали отсюда!

Он повернулся ко мне – и уперся взглядом в черное дуло «Беретты».

– Веди или выходи.

Лицо таксиста искривилось, словно он готов был зареветь, а затем сморщилось в нервной ухмылке.

– Знаешь, приятель, я лучше выйду. А то у меня сердце больное... Бензина полный бак. Извини, я не трус, честно, я просто... – бормотал он, уже выпрыгивая из машины.

Не слушая его, я сел за руль, выжал сцепление и с ревом рванул вперед. Арабы, застрявшие в пробке перед светофором, развернуться не могли – мешал огороженный островок в центре улицы. Они сдали на несколько футов назад, заехали задом на тротуар, и Чингисхан с заднего сиденья выпустил в меня еще две пули. Стрелять в ответ я не решался – слишком много было вокруг машин и

людей. Доехав до края тротуара, они остановились: по мостовой им наперерез грохотал огромный грузовик с двумя прицепами. Я вдавил акселератор в пол и с размаху въехал «Фиату» в корму. Такси замерло на месте – но «Фиат» на скользком от дождя тротуаре полетел вперед, как пушечное ядро, и аккуратно вошел в промежуток между передними и задними мостами второго тяжело груженного прицепа. Рев грузовика перекрыл визгливый скрежет металла, словно нога великана раздавила огромную жестяную коробку из-под печенья. На миг «Фиат» скрылся из виду за огромными колесами грузовика, а когда появился снова, капот и багажник его были почти целы, а салон сплюснулся в блин едва ли в десять сантиметров толщиной.

Наверное, секунду или две я ничего не слышал и не сознавал. Потом заметил, что со всей силы вжимаю в пол педаль сцепления. Я чуть приподнял ногу; впереди заскрипело. Я отпустил сцепление – и такси рванулось вперед. Под капотом что-то негромко скрежетало. Люди выскакивали из машин и бежали к «Фиату». Грузовик остановился, из кабины выпрыгнул водитель и, явно еще не понимая, что произошло, побрел к прицепу.

Чем скорее отсюда убраться, тем лучше, решил я. Полиция составит свой рапорт, мы – свой, однако полиция и МИ-5 друг друга не жалуют, особенно когда остаются трупы, которые им приходится за нами прибирать. И мне не улыбалось остаток дня провести в полицейском участке, выслушивая ядовитые шуточки ребят из дорожной полиции Илинга.

Не слушая криков и гудков, я свернул налево. Ярдов через пятьсот мне замахала с тротуара женщина с чемоданами – пыталась остановить такси; я промчался мимо, и она крикнула вслед что-то нелестное. Но я хотел как можно скорее добраться до Файфшира, хотел выяснить, что еще известно об «Операции Ангел», что это за ангел такой и где его искать.

Вскоре я сообразил: надо позвонить нашим экспертам, предупредить, чтобы частым гребнем прочесали все, что осталось от водителя и двоих пассажиров «Фиата». Примерно через четверть мили слева показалась будка телефона-автомата. Я остановил машину и побежал к нему.

«Желтые страницы» вандалы почему-то не тронули, а вот трубка и сам аппарат были вырваны с корнем. Что тут скажешь? С самого утра чувствовал, что день не задастся!

Глава 3

– Основной принцип работы атомной электростанции – тот же, что и у любых других электростанций. Слыша об АЭС, люди часто представляют себе расщепление атомов, быстрые нейтроны, сложные формулы, однако речь совсем не об этом. Мы лишь создаем пар. Тот проходит через турбины, турбины вращаются и генерируют электричество – точно так же, как колесо динамомашин, вращаясь, генерирует электричество, освещающее наши улицы и дома. Паровая энергия – вот ключ ко всему. С тех пор как Джеймс Уатт изобрел паровой двигатель, ничего не изменилось, принцип работы тот же самый. Единственное технологическое отличие атомной электростанции заключается в способе нагрева воды. Девяносто процентов всего, что вы у нас увидите, не будет отличаться от любой другой электростанции – угольной или газовой. Десять процентов разницы связаны с тем, как мы получаем пар: это самое важное, и именно здесь используется атомная энергия.

Лектор умолк, нервно оглядывая аудиторию через сползающие на нос очки. На его лбу выступили капли пота, от пота же слиплись мышиного цвета волосы, подстриженные «под горшок». То он переминался с ноги на ногу, то засовывал руки в карманы твидового пиджака так глубоко, что пиджак грозил съехать с плеч. Лектор привык выступать перед школьниками и студентами; но сегодняшние слушатели запросто могли сожрать его на завтрак, и он, похоже, прекрасно это сознавал.

В попытке преодолеть растущую враждебность публики к атомным электростанциям и получить поддержку ядерной программы, а также обеспечить выгодные условия для экспорта энергии британское правительство открыло для иностранной прессы последнюю свою «жемчужину» – электростанцию Хантспил-Хед на побережье Северного Сомерсета. Хантспил-Хеду предстояло стать первым водо-водяным ядерным реактором в Англии, и основной его недостаток – по крайней мере, с точки зрения рекламы и прессы – состоял в том, что его устройство ничем не отличалось от печально известного реактора Три-Майл-Айленд, в 1979 году едва не снесшего с лица земли половину штата Пенсильвания.

Будущее всей британской ядерной политики висело на волоске, и от исхода сегодняшней пресс-конференции зависело многое. Чтобы журналисты правильно все поняли – и правильно воспроизвели, – к роли лектора предъявлялись особые требования. Выбрали Дугласа Йодэлла: за вид и манеры школьного учителя, обширные познания в энергетике, честное лицо и, не в последнюю очередь, за сомерсетский акцент. Посчитали, что этот деревенский говор, ассоциирующийся с солеными мужскими анекдотами, поможет слушателям расслабиться и утратить бдительность. Однако вышло иначе. Половина журналистов, сидящих в зале, не могла понять ни слова; другая половина, с трудом кое-что разбирающая, решила, что британское правительство нарочно напустило на них какого-то деревенского дурачка.

Не только журналисты полагали, что Дуглас Йодэлл – на редкость неудачный выбор; так же думал и сам Дуглас Йодэлл. Семьсот лиц были обращены к нему; на него нацелились тысяча четыреста глаз, целая батарея камер и микрофонов, не говоря уж о блокнотах. И он продолжал свою безнадежную битву.

– Уверен, многим из вас знакомы принципы ядерной физики. – Йодэлл ожидал согласного гула голосов, однако зал молчал. – Не сомневаюсь, многие из вас разбираются в этом намного лучше меня – я ведь просто здесь работаю!

Он вновь умолк, ожидая смеха, и вновь встретился с молчанием. Слушатели его ели премьер-министров на обед, а президентов и королей – на ужин; такие люди не смеются над шуточками заштатного лектора с задворок Сомерсета. Еще пара попыток расшевелить их – и Дугласу Йодэллу конец. Понимая это, он гордо выпрямился и задрал подбородок, глядя прямо в софиты. Лучше щуриться от света, чем пялиться в каменные лица этих ублюдков.

– Если я ударю кулаком о кулак...

Так он и сделал, поднеся кулаки к микрофону, – и поморщился, ударив слишком сильно. Потряс руками – и тут публика покатила со смеху. На миг Йодэлл, казалось, растерялся, но быстро оправился, довольный тем, что ему наконец-то удалось установить контакт с аудиторией.

– Если я ударю кулаком о кулак... будет больно! – продолжал он. – А еще станет теплее, поскольку трение рук друг о друга создает тепло. Если б при столкновении мои руки распались, тепла выделилось бы еще больше. Именно

способ выработки тепла отличает атомную электростанцию от электростанций других типов. Постараюсь объяснить как можно понятнее; однако на случай, если вы потеряете нить, обо всем этом рассказывается в буклетах, которые раздали вам на входе. Итак, все на свете состоит из атомов, а сами атомы состоят из более мелких частиц, называемых протонами и нейтронами. Размер их можно описать так: тысяча миллиардов нейтронов, выложенных в одну линию, составят отрезок длиной с булавочную головку.

Йодэлл умолк, ожидая потрясенного аханья. Слушатели молчали.

– Уран, добываемый из недр, состоит из атомов трех типов; один из них называется У-двести тридцать пять. Нейтроны У-двести тридцать пять очень активны, они постоянно отрываются от атомов и отправляются в свободный полет. – На экране за спиной лектора возникла схема, иллюстрирующая его слова. – Если одна из этих частиц, летящих со скоростью около двадцати пяти тысяч миль в секунду, столкнется с другим атомом У-двести тридцать пять, то атом распадется на два или, возможно, три отдельных атома. Столкновение и расщепление атомов создает тепло – так же, как удар кулака о кулак.

И он снова стукнул кулаками, на этот раз осторожнее.

– При расщеплении атома от него отрываются нейтроны, они ударяются о соседние атомы, и те, в свою очередь, тоже расщепляются – так возникает то, что мы называем цепной реакцией. Теперь в общих чертах понятно, что происходит на атомной электростанции. Обработанный и очищенный уран помещается в металлические трубки, так называемые топливные стержни. Несколько сотен стержней помещаются в так называемую активную зону, или ядро реактора. Ядро можно сравнить со стволом револьвера, в котором стержни – пули. Топливные стержни отделены друг от друга регулирующими стержнями, через которые нейтроны пройти не могут. Если мы извлекаем регулирующие стержни, нейтронные частицы вылетают из атомов, ударяются в атомы других топливных стержней, и те раскаляются. Регулирующие стержни мы никогда не извлекаем полностью и с их помощью регулируем температуру в реакторе. Ядро реактора целиком погружено в воду. Вода находится под высоким давлением, что не дает ей закипеть, и действует как хладагент, охлаждающий ядро, – так же, как радиатор в машине. Нагретая до температуры намного выше точки кипения, вода покидает ядро, превращается в пар, и этот пар подается в турбины. Если что-то идет не так, регулирующие стержни немедленно опускают, и ядерная реакция останавливается. Ядро, которое вы увидите во время

экскурсии по станции, подвешено над землей в особом контейнере, регулирующие стержни находятся в верхней его части. Над землей оно поднято для того, чтобы к нему легко было подобраться с любой стороны. Почти все операции по обслуживанию ядра осуществляются при помощи дистанционного управления.

Йодэлл остановился, чтобы перевести дух. Для него это была самая простая часть лекции, но для публики, пожалуй, самая сложная. Он пожевал губу и глубоко вздохнул.

– К сожалению, в процессе расщепления атомного ядра выделяется немало побочных продуктов, известных под общим названием «радиоактивные вещества». Безусловно, радиоактивность опасна и должна находиться под жестким контролем: особенно важно беречь от нее людей – кроме некоторых случаев использования ее в медицине, о которых мы поговорим далее. Есть нейтронные частицы – и когда они пролетают сквозь нас со скоростью двадцать пять тысяч миль в секунду, сами понимаете, это не очень полезно для здоровья; кобальт-шестьдесят, йод-сто тридцать один, криптон-восемьдесят пять, стронций-девяносто, плутоний-двести тридцать девять, альфа-лучи, бета-лучи, гамма-лучи – все они очень вредны для человека. Альфа-гамма- и бета-лучи поражают ткани организма. У многих из них очень короткая продолжительность жизни – так называемый период полураспада. Под периодом полураспада мы понимаем временной отрезок, в течение которого радиоактивное вещество теряет половину своей силы. У некоторых радиоактивных веществ период полураспада очень короткий, длиной в несколько секунд; у других, как, например, у криптона, намного дольше. Период полураспада у криптона составляет девять с половиной лет, у стронция-девяносто – двадцать восемь лет, у плутония-двести тридцать девять – двадцать четыре тысячи триста лет. Необходимы очень серьезные меры предосторожности, чтобы защитить от этих веществ человечество – не только сейчас, но и в будущем. Первая линия защиты – сам ядерный реактор. Стены защитной оболочки состоят из армированного бетона в два метра толщиной; оболочка имеет форму купола и способна выдержать высочайшее давление. При испытаниях купола этого типа в него врезался на скорости шестьсот миль в час полностью нагруженный реактивный лайнер – и купол устоял. От самолета ничего не осталось, а на куполе даже не появилось заметной вмятины. Но даже на случай повреждения купола в Хантспил-Хеде имеется план. Защитная оболочка соединена со вторым строением такого же объема, в котором постоянно поддерживается вакуум. При появлении трещин в защитной оболочке клапаны перехода между двумя строениями открываются автоматически, и весь пар засасывает во второе

строение.

Йодэлл снова перевел дух. В горле пересохло, глаза слезились от яркого света, и страшно хотелось почесать в паху.

– Помимо всех внешних систем безопасности, которые вы видели, когда входили на станцию, существуют и внутренние системы безопасности – и их намного больше. Все, что происходит на станции, постоянно мониторят не менее трех независимых друг от друга компьютеров. В случае если получаемые ими данные – на любой стадии – не совпадают, они запрограммированы на то, чтобы автоматически начать процедуру остановки реактора, пока не будет выявлена и исправлена причина сбоя.

О безопасности – особенно о безопасности населения местного городка Хантспил – Йодэлл говорил очень долго. Хантспил в его изображении получился каким-то центром вселенной: даже если рухнет весь остальной мир – не стоит огорчаться, ведь Хантспил (кстати сказать, не получающий от своей АЭС ровно ничего) устоит.

– Говоря об опасности радиации для населения, мы измеряем ее в «единицах». Под «единицей» понимается человек, который все годы своей жизни, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю находился бы на территории АЭС, питался рыбой, плавающей в жидких отходах, и эти отходы пил. Так вот: в течение года этот человек получит приблизительно тот же объем радиации, что и житель сорокового этажа небоскреба или человек, один раз перелетевший на самолете из Лондона в Нью-Йорк. Или, выражаясь точнее, менее одного процента безопасной годовой дозы!

Йодэлл с торжествующей улыбкой оглядел своих слушателей, однако ответной радости не встретил. Многие в зале добирались сюда куда дольше, чем из Лондона в Нью-Йорк, и вовсе не были счастливы услышать, что получили при этом дозу радиации, пусть и совсем небольшую. Чуть раньше Йодэлл выиграл очко – теперь он очко потерял.

Лектор вздохнул и перешел к статистике – вывалил на слушателей гору цифр, доказывающих, что соотношение цены и эффективности у АЭС выше, чем у электростанций любого другого типа. Публика слушала, зевая. Цифрами этих людей было не удивить – и все они знали, что, жонглируя цифрами, знающий

статистик может доказать что угодно. Жесткие пластиковые стулья, пестрые слайды, сменяющие друг друга над головой лектора, необычный выговор Дугласа Йодэлла – все это утомляло. Хотелось уже перейти к более увлекательной части – к вопросам, когда можно будет порвать лектора в клочки, а потом, сыто отвалившись от растерзанных останков, пойти на обед.

– С помощью радиоактивных изотопов, производимых на таких атомных электростанциях, как эта, во всем мире проводится сто пятьдесят миллионов диагностических процедур в год, – продолжал Йодэлл.

Теперь он перешел к использованию радиации в медицине – тема куда более благодарная: спасение от смертельных болезней интересует всех, в том числе и матерых акул пера.

– Терапевтическое облучение кобальтом уже продлило жизнь больных раком во всем мире в общей сложности на одиннадцать миллионов лет, а в следующие двадцать лет, как ожидается, эта цифра увеличится более чем до пятидесяти миллионов. Без атомных электростанций, производящих кобальт в качестве побочного продукта, данное лечение было бы невозможно, поскольку стоимость производства делает его недоступным даже для самых хорошо финансируемых медицинских учреждений.

Семьсот журналистов дружно склонились над блокнотами. Дуглас Йодэлл выиграл еще одно очко.

– Кроме того, радиация играет важную роль в стерилизации продуктов питания. Персики из Южной Африки на полках продуктовых магазинов облучаются небольшими дозами гамма-лучей. Эти лучи убивают бактерии и увеличивают срок хранения персиков в десять раз. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, тридцать процентов продуктов в мире портятся прежде, чем попадают к нам на стол. Радиация продлевает срок хранения молока, уничтожает сальмонеллу, не влияя на вкус куриного мяса, и не оставляет после себя никаких токсичных отходов.

Судя по лицам семисот журналистов, мысли о курятине, облученной гамма-лучами, и о южноафриканских персиках, черт знает сколько хранящихся на полках магазинов, не вызвали у них энтузиазма.

Йодэлл объявил, что лекция окончена, и предложил задавать вопросы. А чтобы сократить срок экзекуции, добавил: после вопросов участников ожидает приглашение на обед.

Судя по лесу рук, взметнувшемуся в воздух, обеду грозило превратиться в ужин. Первой заговорила женщина с сильным австралийским акцентом:

– Сэр, каков, по вашему мнению, может быть самый худший сценарий катастрофы на атомной электростанции?

– Никакие катастрофы здесь практически невозможны. Как я уже говорил, на станции действуют три независимые друг от друга системы автоматического отключения. Все возможные сценарии, как естественные, так и рукотворные, мы проработали на симуляторах и пришли к выводу, что системы безопасности станции абсолютно надежны. Иначе мы здесь не работали бы – уж я-то точно. На станции трудится более тысячи человек, и поверьте, они ничего не опасаются. Кстати, на опасных работах люди получают надбавку за риск. У нас здесь надбавку за риск не платят. Я ответил на ваш вопрос?

– Нет, сэр. Я спросила не о том, может ли в принципе произойти катастрофа, а о том, какой она может быть. Итак, худший из возможных сценариев?

– Что ж, худшее, что может произойти, – это треснет одна из труб, по которым поступает пар. Однако если такое произойдет, немедленно откроются клапаны вакуумной камеры, и весь пар втянется туда.

Встал научный редактор «Таймс».

– Вы говорите, что катастрофы на атомной станции невозможны. Тем не менее в семьдесят девятом году на станции Три-Майл-Айленд в США, с таким же типом реактора, как здесь, произошел очень серьезный инцидент. Почему он не может повториться?

– В Три-Майл-Айленд в результате сочетания нескольких неисправностей, а также недочетов со стороны обслуживающего персонала в защитной оболочке образовался большой пузырь водорода, который было не удалить – ведь там не предусмотрена вакуумная камера. Но у нас вакуумная камера есть! Поэтому, даже если возникнут схожие проблемы – что, впрочем, маловероятно, – это

ничем не грозит.

Со своего места поднялся высокий чернокожий репортер.

– Допустим, террористическая организация либо взорвет атомную станцию, либо похитит используемый здесь уран для производства ядерной бомбы. Что произойдет в этом случае?

– Сначала отвечу на первую часть вашего вопроса. Наш комплекс состоит из множества зданий. Даже для того, чтобы взорвать защитную оболочку реактора – не говоря уж обо всем комплексе, – потребуется поистине огромное количество взрывчатки. И в любом случае террористы немногого достигнут: если они хотят перекрыть подачу электричества, намного разумнее просто перерезать силовые кабели. Теперь по второй части вашего вопроса: уран, используемый у нас, плохо подходит для производства атомной бомбы. Уровень его обогащения очень невелик, так что если даже террористы и украдут уран, им необходимо будет провести его через процесс обогащения – а для этого понадобится доступ к соответствующему предприятию. Таковых в мире очень немного, и все они под строгим контролем. В любом случае если террористы захотят наложить лапу на уран, вряд ли стоит брать его отсюда – атомная станция очень хорошо охраняется, куда проще украсть сырье при перевозке.

Следующим встал английский журналист и заговорил с резким северным выговором:

– А что произойдет, если, допустим, радиоактивный пар каким-то образом вырвется из защитной оболочки – предположим, не сработают клапаны вакуумной камеры и пар попадет в воздух?

Тут Дуглас Йодэлл занервничал.

– Ну что ж... если такое произойдет, безусловно, возникнет серьезное радиоактивное загрязнение воздуха. Что именно случится, зависит от того, в какую сторону подует ветер. Если ветер будет северо-западным, радиоактивное облако понесет на Хантспил и возникнет чрезвычайная ситуация. Либо нам придется эвакуировать город – на этот случай подготовлен план эвакуации, с которым все жители ознакомлены, либо, если ситуация будет не столь серьезной, жителям города придется некоторое время не выходить на улицу и

не открывать окна.

- А если ветер будет дуть в другом направлении? - гнул свое английский репортер.

- Что ж, в таком случае жители Хантспила продолжат жить как ни в чем не бывало.

Но англичанин не желал выпускать добычу.

- С жителями Хантспила все будет в порядке - но как насчет других городов с подветренной стороны? Что произойдет в Бристоле? В Бате? В Рединге? В Бейзинстоке? В Оксфорде? А как насчет Лондона?

- К тому времени как пар достигнет любого из этих городов, он полностью рассеется в атмосфере. Однако люди, находящиеся в непосредственной близости от станции, конечно, могут оказаться в опасности, в зависимости от силы ветра, это правда.

Йодэлл оглядел море лиц перед собой, надеясь, что какой-нибудь свежий вопрошатель поднимет руку и избавит его от англичанина. Увы, избавление не пришло.

- Да, пар рассеется в атмосфере, однако нет причин, по которым вместе с ним рассеются и радиоактивные частицы. Их унесет ветром, и со временем они опустятся на землю. Возможно, через несколько часов - и на очень большом расстоянии от станции. В тысяча девятьсот восьмидесятом году в штате Вашингтон произошло извержение вулкана, так вулканический пепел отнесло ветром на расстояние более пяти тысяч миль! Причем вы только что сказали нам, что некоторые из этих частиц могут существовать десятки лет, да что там - десятки тысяч лет, так что области, зараженные радиацией, останутся заражены еще очень надолго.

- По нашему мнению, в конечном счете в человеческие организмы попадет ничтожный объем радиации, который не причинит ровно никакого вреда.

– По вашему мнению, мистер Йодэлл? То есть наверняка вы не знаете? Хотите подождать, пока это произойдет, – и пусть весь мир станет вашим подопытным кроликом?

– Ставить эксперименты на человечестве мы не собираемся. Радиация опасна лишь в больших количествах и при долговременном воздействии. В природе множество источников радиации: солнце, огонь, некоторые минералы... Радиация – нормальное природное явление. Гуляя по улице, вы получаете за день больше радиации, чем сотрудник этой станции, работающий в помещении. И даже худшее, что может здесь произойти, приведет лишь к выбросу в атмосферу очень незначительного количества радиоактивных частиц...

* * *

Рой Тенни, директор АЭС, плеснул поверх кубиков льда хорошую порцию скотча и протянул стакан мне. Затем приглушил звук на экране и широко улыбнулся. Это был жизнерадостный человек лет сорока с небольшим, красивый грубоватой красотой успешного бизнесмена из телевизионной мыльной оперы: темные волосы, крупное правильное лицо, следы юношеских угрей на коже. Говорил он уверенно и гладко, а легкий ирландский акцент придавал его речи какую-то особую теплоту.

– Смотрите-ка, держится! И очень неплохо держится! Черт, не хотел бы я оказаться там, перед этой стаей волков. А у него все нормально выходит... Терпеть не могу журналистов! Что лучше всего продается? Плохие новости. Чем больше мрачных пророчеств, тем лучше расходятся газеты. Так что они не пожалеют сил, чтобы извратить слова Дуга и придать им смысл мрачнее некуда. Вот скажите, давно ли вы в последний раз читали в газете статью в поддержку атомной энергетики? – И, не дожидаясь моего ответа, ответил сам: – Никогда не читали! Никогда!

С этими словами Тенни сделал хороший глоток виски.

Со встречи с Ахмедом в мужском туалете гостиницы «Ройял Ланкастер» прошло две недели, и уже десять дней я занимался новой работой: неофициально собирал информацию для министра энергетики. За плечами у меня была фальшивая биография – десять лет опыта в консалтинговом агентстве «Пит, Марвик и Митчелл», на руках – собственный кабинет, удостоверение и карт-

бланш от Управления по атомной энергетике Великобритании, позволяющий входить куда угодно и когда угодно, получать любую информацию, собирая данные для доклада об эффективности и соотношении цены и качества в британской атомной промышленности. Индустрия, впрочем, была столь велика и разбросана – как географически, так и по разным компаниям и организациям, – что одному человеку такая задача была просто не под силу. И Файфшир, директор МИ-5, прекрасно это понимал. Но соотношение цены и качества его не волновало. Зато весьма волновала эффективность.

Хантспил-Хед стала для меня третьей АЭС за неделю; в ближайшие несколько недель мне предстояло посетить еще тринадцать.

– А вы что скажете о безопасности атомных станций? – спросил я у Тенни.

– Они достаточно надежны. Хотя не безупречны, конечно: идеала на свете не бывает. На АЭС может случиться беда. И террористы могут до нее добраться – это нелегко, но все же возможно. И если такое произойдет, один Бог знает, что из этого выйдет.

– Зачем же вы тогда здесь работаете?

– В любой работе есть свои риски, а здесь риск вполне приемлемый. Не думаю, что здесь я рискую сильнее, чем во всех прочих местах, – конечно, до тех пор, пока к нам в самом деле не явится шайка каких-нибудь безумных фанатиков и не попытается все здесь взорвать.

– Вы верите в то, что говорил Дуг Йодэлл об утечке радиоактивного пара?

Он немного подумал.

– Нет. Это чушь. Точнее – наверное, чушь, достоверно я не знаю. И никто не знает. В целом мы полагаем, что при утечке такой пар образует радиоактивное облако – концентрированную газообразную массу, которая будет постепенно расширяться. Уровень радиации в облаке будет такой, что убьет все живое в округе на сотню миль. Оно продержится несколько недель, если только его не развеет ураган. Но журналистам мы об этом не скажем. Еще чего! Зачем попусту волновать людей? В любом случае этому не бывать.

И Тенни, улыбнувшись, поднял свой стакан.

Глава 4

На окрашенных закатом волнах у причала в Сен-Тропе лениво покачивалась яхта. Корма, скрытая под навесом, крепилась к причальным битенгам двумя крепкими пеньковыми тросами; оба борта защищали аккуратные кранцы, выкрашенные белым и синим. Блестела на солнце палуба из тикового дерева, сияла белая краска на бортах, сверкало выведенное золотыми буквами название «Шансон-II» и чуть ниже – слово «Панама».

Роскошная яхта, игрушка богача – одна из полутора десятков плавучих дворцов, гордо стоящих у причала, у всех на виду, напротив множества кафе и ресторанов, где тысячи отдыхающих, смешавшись со счастливыми обладателями собственных вилл, пили кофе с молоком, угощались огромными порциями мороженого в стеклянных вазочках, глазели на белоснежные суда и на проходящих мимо красоток.

В длину «Шансон-II» составляла сто сорок футов. На ней имелось четырнадцать пассажирских кают, каждая с ванной или душем, а также просторные и удобные помещения для команды из шестнадцати человек. Одна из кают представляла собой просторную гостиную: в смежной с ней спальне имелась круглая кровать, зеркальные стены и потолок, в ванной – джакузи и ванна на двоих. В углу гостиной стоял цветной телевизор «Бэнг энд Олуфсен» с двадцатшестидюймовым экраном, а рядом стереосистема той же фирмы. У стены, под окном, больше напоминающим венецианское окно, чем корабельный иллюминатор, – антикварный письменный стол времен Георга III, и на нем два телефона.

Телефоны, стол, стереосистема, телевизор, ванная, спальня и сама яхта – все принадлежало человеку по имени Дейк Шледер, сорокашестилетнему гражданину Германии. Фамилию Шледер хорошо знали читатели глянцевого журнала и колонок светской хроники. Владелец гоночных машин, яхт и самолетов, женатый пять раз – на богатой наследнице, на двух кинозвездах, на рок-звезде и в последний раз на чернокожей фотомодели, он регулярно давал пищу для гламурных репортажей и сплетен.

Однако Дейк Шледер умел не только прожигать жизнь. Не реже встречалась его фамилия и в «Форчун», «Бизнес уик», «Файнэшнл таймс» и «Уолл-стрит джорнал» – в публикациях о бизнесе как пример успешного предпринимателя, на которого стоит равняться. Унаследовав от отца состояние более 400 миллионов дойчмарок, вложенных в самые разнообразные предприятия – от текстиля до нефти, от взрывчатых веществ до выращивания пшеницы, от шарикоподшипников до колес железнодорожных вагонов, своим трудом он приумножил это богатство и создал синдикат, приносящий более пятисот миллионов фунтов стерлингов в год. Быть может, Дейк Шледер и держался за имидж плейбоя, но мозги у него работали как надо.

К ограде в конце причала подъехало такси; из него выбрался коротенький и толстенький американец в кричащем клетчатом пиджаке, оранжевого цвета брюках, белых мокалинах с кисточками, с серебряной цепочкой на толстой шее. Вывалился наружу, сражаясь одновременно с огромным чемоданом, французским языком и французской валютой – и, судя по физиономии таксиста, в сражении с французской валютой победил.

Американец подхватил свой чемодан и бодро зашагал по причалу, вглядываясь в названия яхт, пока не остановился перед «Шансон-II». Здесь он удовлетворенно кивнул и начал взбираться по трапу – и не заметил, как человек, сидящий на террасе кафе, опустил развернутую «Франс-суар», внимательно взглянул на американца через 200-миллиметровый объектив «Никона» и спустил затвор.

Американец был очень доволен жизнью и собой. Не часто в Адамсвиле, штат Огайо, поступали предложения провести выходные на яхте в Сен-Тропе! Американец надеялся развлечься на полную катушку – хоть и предполагал, что большую часть времени придется посвятить обсуждению важных деловых вопросов. В этом он заверил свою жену – от чистого сердца, поскольку именно так сказал ему хозяин яхты. Любопытно, думал американец, что за срочное дело заставило этого европейского богача вызвать его сюда и оплатить перелет, да еще и первым классом?

За обвисшим брюшком и попугайным нарядом американца скрывался довольно острый, хоть и ограниченный ум. Он был сейчас на пике своей карьеры – и, пожалуй, мог бы подняться и выше, если б захотел. Трудился он на «Американскую корпорацию полезных ископаемых» – крупный синдикат, специализирующийся на производстве авиационного и ракетного топлива, в

должности директора одного из заводов корпорации, расположенного в Адамсвиле. В деловом мире не было секретом, что АКПИ недавно поступило предложение о поглощении от «Гебрудер Шледер Гмбх» и что владеет «Гебрудер Шледер» не кто иной, как Дейк Шледер. В тайне держалось кое-что другое: основное нынешнее занятие АКПИ, и особенно адамсвильского завода, – производство урановых топливных стержней для атомных электростанций.

Американец шагнул на палубу – и двое плечистых парней в синих двубортных блейзерах, белых брюках, парусиновых туфлях и в фуражках, материализовавшись из кормовой каюты, шагнули ему навстречу.

– Чем можем помочь? – поинтересовался один из них по-английски, очевидно, догадавшись, что перед ним американец, однако с сильным немецким акцентом.

– Э-э... Моя фамилия Слэн. Гарри Слэн. По приглашению мистера Шледера.

– Добрый день, мистер Слэн, – проговорил верзила в фуражке. – Герр Шледер вас ожидает. – Протянув руку, он взял у Слэна чемодан. – Прошу следовать за мной. Герр Шледер уверен, что после долгого путешествия вы захотите отдохнуть. Он будет ждать вас за аперитивом перед ужином через два часа – в восемь вечера.

С этими словами человек в фуражке повел Гарри Слэна внутрь яхты, а второй верзила остался на палубе. Слэн не заметил, что тот, обернувшись, переглянулся со странным человеком на террасе, читающим «Франс-суар» с фотоаппаратом, и быстро подмигнул ему.

По лестнице блестящего полированного дерева гость и охранник спустились на два пролета вниз и двинулись по устланному мягким ковром коридору. Прошли мимо кают с табличками «Тирпиц», «Граф Шпее» – и остановились у двери с позолоченной табличкой «Бисмарк»[5 - Названия знаменитых германских военных кораблей.]. Здесь человек в фуражке повернулся к Слэну:

– Ваша каюта. От имени и по поручению герра Шледера желаю вам приятного отдыха. – Он поставил чемодан и удалился.

Гарри Слэн подхватил чемодан, вошел в каюту... и замер на пороге как вкопанный. Посреди комнаты лицом к нему стояла девушка – высокая, темноволосая, с прекрасной спортивной фигурой, пышущая молодостью и

здоровьем. Стояла, положив руки на бедра, с улыбкой смотрела на него, и полные упругие груди ее чуть покачивались при дыхании. Из одежды на девушке были только крохотные трусики-бикини; с обеих сторон из-под них выглядывали завитки черных волос.

Гарри Слэн сглотнул и попятился.

- Ох, простите... я... я, должно быть, ошибся каютой...

- Вы, наверное, Гарри? - спросила она с легким немецким акцентом.

- Да... я... простите...

- Добро пожаловать в вашу каюту, Гарри. Мне поручено вас принять. Позвольте, я приготовлю вам выпить и распакую чемодан. Что предпочитаете - холодное пиво или американский коктейль?

С этими словами она подошла ко входу в каюту, подхватила чемодан в одну руку, самого Слэна - в другую и ногой захлопнула дверь.

Глава 5

Хорас Уэлли, лет пятидесяти с небольшим, выглядел безнадежно скучным человеком. Ростом в пять футов семь дюймов, он носил шерстяные костюмы, унылые серо-желтые галстуки, ходил мелкими шажками и сутулился так, словно носил на плечах все проблемы мира. Волосы у него были седоватые, коротко стриженные, лицо ничем не примечательное, кончик носа грустно загибался книзу. Во всех комнатах его дома, в машине, в рабочем кабинете и даже в булавке для галстука с эмблемой «Ротари-клуб» скрывались микрофоны, о которых мистер Уэлли ничего не знал.

Сегодня, как обычно, он позавтракал отрубями и черносливом - не ведая о том, что каждое звяканье его ложки, даже каждое движение челюстей с безупречной точностью доносится до шести человек в трех автомобилях, припаркованных поблизости, на трехполосной Сербитон-авеню, так, чтобы при необходимости

следовать за ним незамеченными в любом возможном направлении.

Было семнадцатое утро их бдений; как и в предыдущие шестнадцать, оперативники слышали, как Хорас Уэлли принес жене кофе в постель, пробормотал: «Пока, дорогая, увидимся», спустился вниз, взял портфель и зонтик, вышел из дома и направился в гараж. Несколько секунд спустя выхлопная труба серо-голубого «Воксхолл Кавальера» начала плевать дымом, и машина задним ходом выехала из гаража по короткой бетонной дорожке. Всем шестерым, что следили за Хорасом Уэлли, не было нужды смотреть на часы: они и так знали, что сейчас ровно 6:15 утра.

Всего в команде было двенадцать человек; дежурили они по шестеро. Несколько дней спустя вся дюжина пришла к выводу, что следить за Хорасом Уэлли – впустую время тратить. Каждый день он проводил точно так же, как предыдущий: в 16:45 покидал рабочее место, в 7:00 возвращался туда – и о том, где находится и чем занимается в каждый момент этого промежутка, любой из дюжины мог рассказать с закрытыми глазами и заткнутыми ушами. Однако все двенадцать были профессионалами и понимали, что в этом-то и штука. Теперь, когда мы точно знаем, как Уэлли проводит дни и ночи, любое отклонение от этого расписания чрезвычайно нас заинтересует. Такого отклонения мы и ждали.

Три автомобиля, что следили за Уэлли сегодня, время от времени меняясь местами, отличались и по маркам, и по цветам от тех, что дежурили вчера вечером. Ни один автомобиль не использовался чаще раза в неделю.

В 6:20, как обычно, все три машины двинулись за Хорасом Уэлли в центр Лондона – и все слышали, как он включил Четвертый канал, прослушал окончание «Сельского часа», а потом сделал радио погромче, чтобы послушать новости.

Первой новостью в этот понедельник стало убийство четверых военных в Белфасте. Второй – резкое снижение прожиточного минимума. Третьей – исчезновение сэра Айзека Квойта, руководителя Британского управления по атомной энергетике. Последний раз, сообщил диктор, его видели в субботу после полудня: сэр Айзек выгуливал пойнтера в лесу Эшдаун близ своего дома в Сассексе. Пес вернулся домой один, а сэр Айзек бесследно исчез. Эту информацию диктор утренних новостей сообщил народу – по крайней мере, той части народа, что поднялась спозаранок, включила Четвертый канал и стала

слушать новости, – идеально подходящим к случаю озабоченным, даже мрачным тоном. Полиция, добавил он, предполагает, что совершено преступление, и перешел к другим новостям, оставив слушателей гадать, кто стал главным подозреваемым – неужто пес?

К тому времени, как серо-голубой «Кавальер» въехал на подземную парковку на Чарльз-Секонд-стрит, под зданием Управления по атомной энергетике, и звуки радио превратились в треск помех, Хорас Уэлли, а с ним и шестеро наблюдателей в трех машинах выслушали эту историю еще пять раз. Дважды послушали они жену сэра Айзека Квойта, рассказавшую во всех подробностях, как муж был одет, когда уходил, что сказал ей на прощание (ничего особенного), а также о том, что за обедом он попросил добавку пудинга – готовился долго не возвращаться домой? Еще она поведала, что пес вернулся с замороженной бараньей ногой в пасти: но это не свидетельствовало ровно ни о чем, кроме того, что пса либо дома плохо кормят, либо он просто склонен таскать все, что плохо лежит.

– «Дафна» входит в здание!

Я выключил передатчик, вмонтированный в карандаш. «Дафна» – кодовое имя Хораса Уэлли. Взглянул на часы: беспокоиться не о чем, ровно семь утра. Я зевнул, мысленно проклиная Уэлли на чем свет стоит. Являться на работу в семь утра – по-моему, ничего хуже и быть не может; за семнадцать дней я к этому так и не привык. Мой циркадный цикл не настроен на нежное сияние рассвета, я предпочитаю начинать день через несколько часов после того, как солнце поднимется над горизонтом, – и начинать его с нескольких чашек крепкого черного кофе, по возможности, принесенного обнаженной красоткой мне в постель. Увы, в меню забегаловок, начинающих работу в 6:15, такие услуги не значатся.

Я извлек из кармана пачку «Мальборо», но, подумав, убрал обратно. Бросать курить я не собирался – люблю курить, – однако пообещал себе серьезно сократить число сигарет и уж точно не начинать с семи утра. Что ж, если я умру от рака легких, буду знать, кого в этом винить – Уэлли. Ненависть к его расписанию и мысль, что чем скорее я его на чем-нибудь поймаю, тем скорее вернусь к нормальной жизни (насколько возможна нормальная жизнь при моей работе), побуждала относиться к этой задаче с чувством, опасно напоминающим энтузиазм.

В Управлении по атомной энергетике мне выделили кабинет – на удивление маленький и скромный для «крутого аналитика», зато расположенный в тихом углу здания, окнами на Чарльз-Секонд-стрит, и с двумя необычными для рабочего кабинета свойствами. Во-первых, при закрытых дверях он был полностью звуконепроницаем. Во-вторых, в задней стенке моего письменного стола скрывался двадцатидюймовый телевизионный экран, соединенный с тремя телекамерами и множеством микрофонов двумя этажами выше, в кабинете Хораса Уэлли.

С семи утра до без четверти пять вечера я смотрел и слушал, чем Хорас Уэлли занимается на работе. С десяти до пяти минут одиннадцатого он выпивал чашку кофе. С часа до четверти второго неторопливо съедал яйцо, цельнозерновой сэндвич с кресс-салатом, второй такой же с мясом и чатни, закусывал двумя шоколадными батончиками и запивал пакетиком молока. Все перечисленное готовила и укладывала ему в портфель жена. С пятнадцати до двадцати минут четвертого пил горячий чай. Одним словом, место ресторанный критик в «Мишлене» Хорасу Уэлли не светило.

Если не считать кратких перерывов на еду и питье, на работе Уэлли трудился как проклятый. Должность его официально называлась «инспектор систем безопасности», а задача заключалась в том, чтобы следить за состоянием систем и процедур безопасности на всех шестнадцати АЭС Великобритании, а также за тем, чтобы обслуживание их не выходило за рамки бюджета. А еще ему надлежало проверять работу Службы инспектирования ядерных установок и Национального комитета радиологической защиты и анализировать их рекомендации.

Как правило, Уэлли работал, не выходя из кабинета; однако в его обязанности входили и инспекционные поездки – и дабы эффективно выполнять контролирующие функции, он обладал правом свободного доступа на любой квадратный дюйм любой АЭС в Великобритании.

Впрочем, в последние семнадцать дней он не ездил никуда, да и вообще ровно ничего интересного не делал. Скрытая камера над столом мистера Уэлли позволяла мне читать все поступающие к нему документы. Увы, ни один из них не представлял литературного интереса. Шла третья неделя октября; со времени моей встречи в уборной с Ахмедом, так жестоко оборванной, прошло больше шести недель. За этот срок в список тем, о которых я научился рассуждать легко и свободно, в сущности, не зная о них ровно ничего, добавился

еще один предмет – как несложно догадаться, атомная энергетика. Побывав на всех атомных электростанциях в Англии, проведя в Управлении по энергетике семнадцать дней, я пусть и не научился строить атомные станции, зато уже вполне представлял, как их взрывать. Впрочем, если у нашего друга и было на уме что-то подобное, за семнадцать дней он ничем этого не проявил.

Однако сегодня в 13:00 вместо того, чтобы достать сэндвичи, мистер Уэлли встал из-за стола, натянул пальто, подхватил портфель и был таков.

Я выхватил рацию-карандаш, нажал на кнопку и проговорил:

– «Дафна» выходит.

Затем нажал кнопку еще раз, переключаясь на прием, и подошел к окну. Прошла пара минут – никаких признаков Уэлли. Я сообразил, что он, должно быть, спустился на парковку: если так, я его отсюда не увижу – выезд с парковки с другой стороны здания. Я поднес к уху заостренный конец карандаша. Туда был встроен крохотный направленный микрофон: поднеся его к уху, я все отлично слышал, а вот другие люди, даже стоя со мной рядом, не смогли бы расслышать ни звука.

Прошла еще минута, и из карандаша донесся голос:

– Это «Шейла». Видим ее.

У нас принято давать женские кодовые имена и объектам, за которыми следим, и машинам наблюдения. Три сегодняшние машины носили имена «Шейла», «Мейвис» и «Этель». Сам я был «Кэрл».

– «Шейла», оставайтесь с ней, – велел я. – Выезжаю.

Из здания я вышел через главный вход, свернул налево и подошел к серой «Кортине», припаркованной на тесно забитой общественной стоянке. Пять машин в день дежурили на этой стоянке, постоянно сменяясь; от всех пяти у меня были ключи. Я завел мотор и сунул в ухо нечто вроде крошечного слухового аппарата – радиопередатчик, настроенный на частоту всех трех автомобилей слежения. Можно было послушать и самого Уэлли, но я решил, что вряд ли он за

рулем станет разговаривать сам с собой. Я щелкнул карандашом и заговорил:

- Это «Кэрол». Где у нас вечеринка?

- На ярмарке. Похоже, едем на американские горки.

Тоже кодовые названия: «ярмарка» – Гайд-Парк-корнер, «американские горки» – Парк-лейн. Крайне маловероятно, что Уэлли нас подслушивает, однако первое правило при слежении – минимизировать риск. Частоту передач мы меняем ежедневно, иногда и чаще, и все равно существует вероятность, что объект случайно на нас наткнется и, услышав названия мест, по которым сейчас проезжает, без труда сообразит, что к чему. Поэтому у нас, как и у полиции, для слежки создан собственный язык с обширным словарем, где каждому ключевому месту в Лондоне соответствует особое прозвище.

Я поравнялся с «Этель» – коричневым «Моррис Италом», обогнал ее и сел на хвост «Мейвис» – горчичного цвета «Крайслер Хорайзону». Есть такая особенность у секретных служб: они используют только британские автомобили. Если подозреваете, что за вами следит МИ-5, но на хвосте у вас иностранная машина, можете расслабиться.

На шоссе М-1 машин было немного. Примерно в полумиле впереди маячила «Шейла» – темно-синий «Форд Эскорт». Где-то перед ней ехал Уэлли.

Прошло примерно десять минут, и «Этель» свернула на скоростную полосу, обогнала меня, затем «Мейвис» и «Шейлу», чтобы Хорас Уэлли увидел в зеркале заднего вида что-то новенькое. На шоссе разрешена скорость до семидесяти миль, но мы придерживались пятидесяти пяти. Уэлли водил осторожно – и это было нам на руку: множество машин проносилось мимо, и у объекта было еще меньше шансов заметить, что за ним следят.

Через некоторое время, чтобы разбавить монотонную картину, я выехал на скоростную полосу, пронесся мимо «Мейвис», затем мимо «Этель» – и наконец увидел «Кавальер» Уэлли. Я проехал мимо «Шейлы», затем, убедившись, что впереди нет съездов с шоссе, обогнал и «Кавальер». Проезжая мимо, взглянул на него краем глаза: Уэлли вел машину как испуганный кролик, сгорбившись над рулем, и явно ничего вокруг не замечал.

Я гнал вперед, пока «Кавальер» в зеркале заднего вида не превратился в точку. Увидел дорожный знак: техстоянка – через одну милю. На техстоянке съехал на обочину и подождал: мимо проехал Уэлли, за ним «Мейвис», а я пристроился за ней. Между собой автомобили слежения не переговаривались – не было нужды.

Проехав Бирмингем, мы свернули на А-5. Миновали Телфорд и Шрусбери, оказались в Уэльсе. Я радовался, что выехал с полным баком – ни на заправку, ни на обед Уэлли, как видно, останавливаться не собирался. Быстро темнело: я включил габаритные огни, а минут через двадцать и фары. Дорога начала нырять вверх-вниз по валлийским холмам; по обочинам виднелись туристические деревеньки с десятью сувенирными лавками на душу населения. Было уже семь вечера, и последние два часа мы ехали со средней скоростью тридцать миль в час. Еще через час в таком же режиме «Этель» пришлось остановиться на заправке.

Когда «Этель» нас догнала, остановилась заправиться «Мейвис», а на хвост Уэлли села «Шейла». В тридцать две минуты девятого «Кавальер» замигал левым поворотником и съехал во двор перед придорожным пабом. Водитель «Шейлы», видимо, усыпленный монотонностью нашей прогулки, едва не вписался ему в багажник – вильнул по дороге, завизжав шинами, затем сердито загудел, мигнул фарами и умчался вперед: именно так, согласно инструкциям, следует поступать при дорожных происшествиях во время слежки. Больше Уэлли эту машину не увидит.

Я проехал мимо паба еще ярдов сто и произнес в микрофон:

– «Дафна» ушла на войнушку.

«Войнушка» рифмуется с «пивнушкой»; как видите, в британских разведслужбах жаргон кокни жив и здравствует.

«Этель» проехала мимо, не останавливаясь. Я знал, что при первой возможности она развернется, проедет назад и остановится в каком-нибудь укромном местечке, откуда хорошо виден вход в паб. «Мейвис» уже стояла за пабом, тоже с хорошим видом на вход и подъезды к пивной.

Я выбрался из машины и бегом бросился назад, к пабу. Когда подбежал ближе – так, что меня могли увидеть, – перешел на спокойную ходьбу. Навстречу

выехала с парковки «Капри» темного цвета – темно-зеленого, показалось мне, хотя в темноте было трудно судить; за рулем сидел мужчина.

– Возьми пассажира, «Мейвис», – пробормотал я себе в нагрудный карман, одновременно запоминая номер «Капри».

Теперь «Крайслер» следует за «Капри». Возможно, между этим автомобилем и остановкой Уэлли не было никакой связи, однако я проделал долгий путь и не собирался полагаться на удачу.

Отсюда мне был виден «Кавальер» Уэлли – пустой. Сам Уэлли, должно быть, зашел в паб. Я заглянул через окно и увидел просторный зал в форме буквы L, освещенный безвкусными розовыми лампами, длинную барную стойку в дальнем конце и целую батарею игровых автоматов, начиная с престарелых «Космических захватчиков». Паб был унылый и безликий, с серыми каменными стенами: индивидуальности не больше, чем у многоэтажного гаража. Уэлли стоял у стойки с пинтой пива в руке и заказывал себе еду.

Я задумался. Паб набит битком. Хорас Уэлли – явно не из тех, кого обслуживают без очереди. С того момента, когда он свернул с дороги к пабу, до того, как я проехал еще сотню ярдов, остановился, вышел из машины и бегом бросился обратно, прошло едва ли полторы минуты. Не меньше двадцати секунд Уэлли парковал машину. Шел к пабу – даже если считать, что он мчался как ветер, что после семи с половиной часов непрерывного сидения за рулем сомнительно, – тоже не меньше двадцати секунд. И даже если он направился напрямик к стойке, обслужили его немедленно и рассчитались без сдачи, все равно он побил мировой рекорд по скоростному заказу пива. Тем более что людей в пабе полно, без очереди Уэлли явно не лез и пожилые валлийки определенно не торопились обслуживать посетителей. Нет, что-то не сходится.

Женщина за стойкой намазала маслом два ломтя белого хлеба, шлепнула на один из них кусок вареной индейки, прикрыла сверху другим, положила сэндвич на тарелку, добавила веточку петрушки, на вид как будто выросшей в пустыне Гоби, и передала это все Уэлли. Тот достал бумажник и протянул ей банкноту. Левый локоть его при этом оставался прижатым к груди, словно он что-то придерживал под пальто.

Как ни неприглядно смотрелся сэндвич, сам я сейчас готов был заплатить за него любые деньги. Ел ли я сегодня вообще? Да, точно: около половины седьмого, по дороге в Управление, сгрыз палочку «Твикса». И всё. Есть хотелось зверски, а впереди долгая ночь, и поужинать вряд ли удастся.

Взяв сэндвич и пиво, Уэлли присел в уголке. Один. Кто-то купил ему пиво: но Уэлли опоздал, и этот кто-то не смог задержаться, чтобы с ним выпить. При мне паб покинул только один человек. Выходит, правильно я сделал, распорядившись проследить за «Капри». Теперь нужно понять, что произошло: Уэлли что-то получил у человека из «Капри», что-то ему передал – или и то и другое? Судя по тому, как он прижимает локоть к груди, – определенно что-то получил.

Я отлепился от окна и побежал обратно. По диагонали от паба, глубоко в кустах, заметил «Этель» – «Моррис Итал». Подойдя, сказал несколько слов водителю, затем вернулся к своей машине, открыл багажник, достал все, что мне понадобится. Бросился обратно к пабу, снова заглянул в окно. Уэлли за столиком доедал сэндвич и допивал пиво.

Я вышел на парковку, открыл дверцу «Кавальера» ключом-дубликатом, изготовленным пару недель назад, и лег на пол за передними сиденьями, тщательно прикрывшись захваченным с собой черным одеялом. Поближе к лицу положил кислородную маску, а в руке сжал крохотный цилиндр-«брызгалку» со снятым колпачком.

Несколько секунд спустя я услышал приближающиеся шаги, затем шорох ключа в замке, резкий щелчок открывающейся задвижки и громкий скрип дверцы – ее определенно стоило бы смазать. Вспыхнул свет: даже сквозь черное одеяло он резал мне глаза, словно на залитом прожекторами футбольном поле. Спинка сиденья у меня над головой прогнулась – Уэлли с грацией слона плюхнулся за руль.

Захлопнулась дверь, и свет, слава богу, погас. Уэлли рыгнул и громко перднул.

Щелкнула застежка ремня безопасности, заработал мотор, а вслед за этим послышался звук, свидетельствующий о напрасных попытках двинуться с места, не выжав сцепление. Уэлли снова рыгнул. Развезло же его с пинты пива... Наконец ему удалось завести машину. Сначала мы двигались медленно, затем,

видимо, выехав на дорогу, прибавили скорость. Проехали несколько сот ярдов. Теперь за нами – я этого не видел, но точно знал – устремился «Моррис».

Натянув на нос и рот кислородную маску, я открыл клапан. Тихое шипение газа Уэлли, быть может, услышал бы в полной тишине, если б настороженно прислушивался, однако сейчас органы его слуха забивали обрывки музыки и треск помех, доносящиеся из радиоприемника.

Я прикрыл клапан и дал Уэлли время вдохнуть усыпляющего газа. Подождал немного, затем открыл клапан еще на пять секунд. Внезапный порыв холодного воздуха вместе с шумом ветра подсказал мне, что Уэлли открыл окно. Никто не станет открывать окно в машине холодным вечером, если не чувствует сонливости.

Снотворный газ меня немного беспокоил. Новая разработка, прямиком из «Игровой» – отдела британской разведывательной службы, отвечающего за разные технические трюки. Изобретатели его, господа Траут и Трамбалл, уверяли, что это первый в мире невоспламеняемый усыпляющий газ. Так или иначе, пользовался я им впервые и еще не знал, насколько он эффективен.

Я подождал минуты полторы, чтобы Уэлли проветрился и закрыл окно – а когда он так и сделал, снова открыл клапан, теперь на восемь секунд. Уэлли снова открыл окно. Я от души надеялся, что ему хватит ума свернуть на обочину и остановиться, а не засыпать за рулем, мчась наперерез какому-нибудь тягачу с прицепом.

Окно снова закрылось, и я провел еще один пятисекундный сеанс. На этот раз машина заметно сбросила скорость. Вдруг Уэлли резко ударил по тормозам: машину занесло, тряхнуло на неровной почве. Мы проехали еще несколько ярдов, остановились, и Уэлли выключил мотор. Он громко зевнул – и тут я выпустил еще порцию газа. Перед носом у меня щелкнул рычаг, и спинка водительского сиденья опустилась. Едва откинувшись на спинку, Уэлли заснул сном младенца.

Несколько секунд все было тихо. Лишь щелкал, остывая, мотор, где-то вдалеке грохотал грузовик да нарушало тишину тяжелое размеренное дыхание Уэлли. Темно было, как в погребе; видимо, мы съехали на стояночную площадку или просто с дороги на траву. Я сунул «брызгалку» прямо Уэлли под нос и открыл

клапан на четыре секунды. Если верить инструкции, проснуться он должен через пару часов, испытывая сильную жажду и легкую тошноту – что, впрочем, вполне естественно, когда засыпаешь от усталости прямо в машине.

Мимо с ревом промчался грузовик, и «Кавальер» содрогнулся. Я включил в машине свет и почти сразу увидел на пассажирском сиденье рядом с водителем небольшой конверт. По счастью, он был не запечатан – и хранил в себе пластмассовую коробочку размером с ладонь. Я достал фонарик и осветил. Хотя ни на конверте, ни на коробке надписей не было, я прекрасно знал, что может храниться в такой коробке. Открыл – все верно: видеокассета.

Я тщательно обыскал Уэлли, но больше ничего любопытного при нем не обнаружил. Что можно найти на видеокассете без надписи, спрятанной в простом коричневом конверте, также без опознавательных знаков? Чаще всего порнографию. Однако будь наш приятель Уэлли любителем порнушки, едва ли он поехал бы за ней через пол-Англии. Порнуху несложно найти и в Лондоне – в нескольких минутах ходьбы от офиса. Нет. Определенно, если вставить эту кассету в видеомаягнитофон, голых девиц с плетками мы на экране не увидим. Инстинкт подсказывал мне, что семнадцатидневное бдение наконец принесло плоды.

Я положил кассету обратно в конверт, а конверт – на сиденье, затем собрал вещички, вылез из «Кавальера» и прошел пару сотен ярдов обратно по дороге, туда, где поджидала «Мейвис». Открыв переднюю дверь, я обратился к двум людям в автомобиле:

– Можете вернуться к пабу и забрать мою машину? Я подожду здесь, хотя, думаю, некоторое время он никуда не двинется.

– Почему бы вам не поехать с нами?

– Лучше посторожу. На случай, если за ним явятся друзья.

– Если хотите, кто-нибудь из нас останется с вами.

– Не нужно, справлюсь.

Пока я не выясню, откуда у него эта пленка – ни на секунду не выпущу из поля зрения ни пленку, ни самого Уэлли. Я захлопнул дверь «Морриса». Крис Аллен, водитель, завел мотор, и машина рванулась вперед. Я бросился за ней и постучал в стекло. Крис остановил автомобиль и опустил боковое стекло.

– Зайдите в паб, – попросил я, – возьмите мне сэндвич с индейкой. Петрушки попросите двойную порцию – только зеленой, если у них есть.

– Ладно, босс, – ухмыльнулся Крис.

То ли мы отъехали от паба дальше, чем я думал, то ли зеленой петрушки там не нашлось, то ли пиво оказалось уж очень соблазнительно – так или иначе, команда «Мейвис» чертовски долго не возвращалась, и я успел трижды проклясть все на свете, околевая на промозгом валлийском ветру и любуясь безмятежным сном Уэлли. Говорят, когда голоден, любая еда кажется вкуснее: если так – хотел бы я знать, черт возьми, на что похожи местные сэндвичи, когда ты не голоден. Хлеб был на вкус как заплесневелый асбест, а мясо будто мариновали в креозоте. Что до петрушки – она, как видно, бесследно исчезла где-то на полдороге от паба ко мне. Будь у меня хоть капля ума, я бы выбросил сэндвич и съел салфетку, в которую его завернули, – салфетка наверняка была намного вкуснее, да и куда питательнее.

Наверное, с усыпляющим газом я переборщил: прошло почти три часа, прежде чем Уэлли снова завел мотор и поехал.

Две машины следовали за ним сквозь ночь в Лондон. За рулем одной, отчаянно зевая, сидел я. В 6:15 на следующее утро Уэлли остановился неподалеку от телецентра Би-би-си в Шефердс-Буш. Вошел туда с конвертом – и полминуты спустя вышел без него.

Я подождал, пока он поедет прочь, а «Мейвис» тронется следом, затем вошел в телецентр и направился напрямик к стойке круглосуточной вахты.

Гарри Слэн, распростертый на постели, смотрел, как мерно покачивается над ним стройное мускулистое тело прекрасной немки, как сокращаются мышцы ее накачанного живота, как огромные груди то опускаются к его носу, то вновь вздымаются к небесам. Руками немка прижимала его руки к матрасу и скалила белоснежные зубы в сияющей улыбке. Стояла последняя неделя сентября, однако немка уже составляла в уме длинный список рождественских подарков: для любовника, для брата, для трех сестер и двоих бывших мужей.

Гарри Слэн подавался ей навстречу: коротенький обрезанный член его стоял, как каменный. Он был в восторге, просто в восторге – ибо видел, что доводит эту красоту до умопомрачения! Она стонала от наслаждения; он пыхтел и потел.

Немка по имени Эва издала особенно громкий стон, придя к мысли, что младшей сестре Гризельде подарит кассероль. Гризельда обожает готовить и на прошлом семейном ужине совсем измучилась, пытаясь потушить телятину в обычной кастрюле. Вообразив себе будущее Рождество и сияющие глаза сестренки, Эва теснее сжала внутренние мышцы, дважды резко двинула тазом – и Слэн, не успев опомниться, кончил во второй раз за час. Он испустил тонкий пронзительный крик, словно падал с крыши, и откинулся на мягкую постель.

Эва вынырнула из фантазий о Рождестве как раз вовремя, чтобы придать эротической сцене последний, завершающий штрих.

– Это было чудесно! – прошептала она, склонившись к нему и погладив по голове. – Не знаю, сколько раз я кончила, – сбилась со счета!

Слэн просиял. Ни разу еще за все свои сорок восемь лет он не кончал дважды за час. Но в следующий миг вспомнил, где находится и почему, и повернул голову, чтобы взглянуть на часы.

– Черт! Пора одеваться, скоро ужин.

– Не беспокойся, милый, – промурлыкала Эва, вдавив его в матрас. – Дейк не особенно пунктуален. Расслабься, времени у нас еще полно!

Слэн взглянул ей в глаза. Хоть он и был совершенно вымотан, не собирался ни минуты терять даром. Сегодня он поставит рекорд, которому позавидуют – если, не дай бог, когда-нибудь узнают – все до одного работники завода АКПИ в

Адамсвиле, штат Огайо!

Слэн не знал, что в соседних одиннадцати каютах, очень похожих на его собственную, наслаждаются столь же теплым приемом еще одиннадцать незнакомых ему мужчин. А любезный их хозяин, Дейк Шледер, в своей гостиной следит за каждым его движением на двадцатишестидюймовом телеэкране, к которому подсоединен видеоманитофон, включенный на запись.

Долгий уик-энд только начался, и за эти четыре дня на пленку – отнюдь не для услаждения взора потомков – попадет каждый из одиннадцати, занятый тем же, что и Гарри Слэн. С некоторыми вариациями: кто-то энергичнее, кто-то нежнее, кто-то изобретательнее, чьи-то подруги обнажены, а чьи-то одеты сообразно фантазиям клиентов – то в балетную пачку, то в спасательный круг. У всех одиннадцати, как и у Гарри Слэна, крепкие счастливые семьи. Все, как и Гарри Слэн, занимают у себя на родине важные посты в области атомной энергетики. Один англичанин, двое французов, двое испанцев, пятеро из США и один из Канады.

В каюте справа от Гарри Слэна пыхтел невзрачный человек, никогда не пользовавшийся успехом у женщин. До свадьбы он встречался с несколькими девушками, но ни одну даже не попытался соблазнить – слишком робел. После свадьбы его сексуальная жизнь, можно сказать, наладилась – хотя жена никогда даже не пыталась изобразить ничего похожего на «шлюху в постели». Им владела одна фантазия, с годами дошедшая до навязчивости, почти до одержимости: жена была блондинкой, а он все пытался представить, каково заниматься любовью с брюнеткой. Стоило любой хоть немного привлекательной брюнетке ему улыбнуться, как он впадал в транс и еще долго мечтал об этой женщине у себя в постели: мол, в один прекрасный день он отправится в Шеперд-Маркет[б - Район в центре Лондона.], снимет темноволосую проститутку и наконец-то... И сам понимал, что, когда дойдет до дела, ему не хватит смелости.

Однако сегодня его мечта наконец исполнилась: под ним стонала и выгибалась красавица с волосами цвета воронова крыла. Невероятная красавица, на шикарном яхте, в райском местечке на юге Франции, под теплым солнцем, за миллион миль от жены, от дома, там, где никто и никогда не узнает его секрет... Как и Гарри Слэн, этот человек не очень понимал, зачем он понадобился Дейку Шледеру. Впрочем, сейчас он об этом и не думал. Думал только об одном: все это не сон! Наконец-то сбылось заветное желание!

Звали этого счастливирика Хорас Уэлли. Никто ни в чем его не подозревал, пока я не провел обыск у него в кабинете – рутинный обыск, не более и не менее тщательный, чем на рабочих местах еще у половины видных специалистов Управления по атомной энергетике. Однако приглашение от Дейка Шледера провести долгий уикэнд на роскошной яхте заставило нас поместить Хораса Уэлли под микроскоп. Пусть «Космополитен» называет Дейка Шледера одним из десяти сексуальнейших мужчин мира; в нашем ведомстве он занимает почетное место в совсем ином списке.

Глава 7

Небольшая латунная табличка справа от входной двери, гласящая «Портико инвестментс Лтд.», не дает случайному прохожему ни малейшего намека на то, что творится за белым пятиэтажным фасадом дома номер сорок шесть по Карлтон-Хаус-террас. Ничто не позволяет прохожим догадаться, что дом этот не оканчивается подвалом, а простирается еще на пять этажей в глубь земли или что к тому же ведомству относятся еще пять домов вниз по Мэллу.

В холле дома номер сорок шесть, за стойкой, встречает посетителей симпатичная брюнетка лет тридцати пяти. От тысяч и тысяч лондонских секретарш ее отличает лишь одно: в гостиной ее дома, в витрине под стеклом гордо покоятся сорок пять кубков и медалей, в основном из Бисли[7 - В Бисли, гр. Суррей, расположена штаб-квартира Национальной стрелковой ассоциации Великобритании, а также самые большие в стране стрельбища.], и среди них на видном месте – серебряная олимпийская медаль по стрельбе из пистолета. Вот этой наманикюренной ручкой, порхающей по кнопкам интеркома, секретарша может за полторы секунды выхватить тяжелый «Кольт» и открыть огонь по любым непрошеным гостям.

Слева от стойки располагается выставочный стенд с огромными необработанными драгоценными камнями: среди них алмаз, сапфир, изумруд и рубин. Увеличенные цветные фотографии на заднем плане изображают шахту – с подписью «Амарильо, 1935 г.», пинцет, сжимающий кольцо с рубином – с подписью «Найроби, 1955 г.», и вид какой-то холмистой пустыни с воздуха.

Стенд предназначается для посторонних визитеров; впрочем, таковые сюда почти не заходят, да их здесь и не ждут. А постоянные обитатели здания знают, что «драгоценные камни» – стекляшки, а фотографии отпечатаны с негативов, откопанных на задворках Музея истории науки.

В комплексе, куда ведет дверь дома номер сорок шесть, работает семьсот пятьдесят человек – и по большей части они приходят и уходят через невинные и непримечательные с виду двери, рассеянные по Мэллу, Трафальгар-сквер и Кокпер-стрит, или через три входа на парковку, расположенную под зданием.

На пятом этаже, за массивными двойными дверями, перед которыми располагается предбанник с секретаршей, восседает властелин этого тайного королевства: плотный мужчина с бычьей шеей, массивной головой и сломанным в нескольких местах носом. В седеющих волосах еще виднеются черные пряди, однако виски уже полностью посеребрила элегантная седина. Одет он в рубашку от «Тернбулл и Ассер», полосатую, но с белыми воротничком и манжетами, и темно-синий костюм в тонкую белую полоску от «Дормей» стоимостью в пятьсот фунтов; довершает ансамбль модный галстук от «Ланвен». Мужчина не особенно высок – ростом не больше пяти футов девяти дюймов, и все же чувствуется в нем что-то такое, отчего даже самые хмельные и воинственные забияки в переполненных барах при встрече предпочитают отступить и дать ему дорогу.

Присмотревшись к морщинкам вокруг глаз, можно догадаться, что мужчине уже сильно за шестьдесят, пожалуй, ближе к семидесяти. Тем не менее выглядит он здоровым и крепким – кажется, мог бы одним прыжком перескочить через огромный стол красного дерева. Впрочем, так кажется лишь до тех пор, пока вы не замечаете рядом с его стулом тонкую, но прочную трость. На трость он опирается не из-за возраста: причиной этому стали пули, выпущенные чуть больше года назад одним неудачливым киллером.

За дверью дома номер сорок шесть по Карлтон-Хаус-террас, за латунной табличкой «Портико инвестментс Лтд.» скрывается организация, корни которой восходят к временам королевы Елизаветы I и Испанской Армады. Организация тайная – настолько тайная, что на бумаге ее не существует, хоть бюджет ее обходится британским налогоплательщикам в сто сорок миллионов фунтов ежегодно. О том, чем занимается организация в каждый конкретный момент, осведомлены лишь два человека – премьер-министр и министр внутренних дел: и всё, что знают эти двое, можно было бы записать толстым маркером на обороте почтовой марки.

В Лондоне благодаря амбициозности и энергии своего директора эта организация занимает еще три собственных комплекса; а кроме того, делит с армией, Особой службой полиции, Тайным разведывательным управлением МИ-6 (и, несомненно, с половиной русских тайных агентов в Англии) огромный комплекс под подземной парковкой в Гайд-парке. Организация эта именуется МИ-5, а возглавляет ее человек с пятого этажа «Портико инвестментс» – сэр Чарльз Каннингэм-Хоуп, кавалер Ордена Британской империи, более известный под кодовым именем Файфшир.

С большей частью своих оперативников Файфшир встречается дважды – при приеме их на работу и при увольнении. Однако мне повезло (если сотню тяжелых, опасных и грязных заданий можно назвать везением) работать непосредственно с ним. Он стал моим прямым начальником. На первом же собеседовании мы как-то на удивление хорошо сошлись: не знаю, пожалел ли он приبلудную дворнягу, заметил у меня какие-то ниточки, за которые легко дергать, или тому была какая-то иная из тысячи возможных причин. Утешаю себя мыслью, что Файфшир не дурак и сразу распознал во мне прекрасного человека и ценного сотрудника.

Однако стать героем посмертно я вовсе не стремился – и потому немного напрягался всякий раз, когда Файфшир вызывал меня к себе.

Я вошел в знакомый кабинет, шеф встал из-за стола и протянул мне огромную, как лопата, руку. Рукопожатие у Файфшира из тех, от которых хрупкие дамы краснеют, застывают с улыбкой, несколько секунд переминаются с ноги на ногу, не в силах вымолвить ни слова, и наконец, когда онемение в руке сменяется болью, выдыхают потрясенное: «О-о-о!» Я к этому испытанию был готов. Несколько секунд он тряс мою ладонь, и наконец, когда я уже подумал, что костяшки сейчас разлетятся в пыль, сжалился, выпустил мою руку и кивнул, приглашая сесть. Перед столом у него сегодня был установлен двадцатishестидюймовый телеэкран, подключенный к кассетному видеоманитофону. То и другое принесли сюда согласно моим указаниям.

– Как дела, Флинн? – спросил Файфшир.

– Лучше, чем неделю назад, – ответил я.

На прошлой неделе я указывал в рапорте, что двухнедельная слежка за Уэлли ничего не дает и агенты начинают скучать. Теперь же скуку как рукой сняло.

Подняв бровь, Файфшир взглянул на экран.

– Мило с вашей стороны позаботиться о том, чтобы я не пропустил очередную серию «Коронейшн-стрит».

– Знаю, что вы стремитесь постоянно быть в курсе событий, – ответил я.

– К сожалению, это стремление разделяют не все. – Он подтолкнул ко мне через стол утренний выпуск «Таймс». – Газеты сегодня читали?

– Не успел. Слишком увлекся телепередачей «Хорас Уэлли едет на работу».

Суровое лицо Файфшира на миг просияло улыбкой.

– Тогда взгляните на первую страницу.

Заголовок гласил: «Принц и принцесса Уэльские начинают поездку в Белфаст».

– Вы знали, что они едут в Белфаст? – спросил он.

– Не знал.

– Вот и я тоже. Сорок миллионов фунтов потратил я в этом году на борьбу с терроризмом в Северной Ирландии, располагаю уникальной информацией! А они отправляют туда принца и принцессу, даже не поинтересовавшись, что я об этом думаю... Ладно, это не ваша проблема. Ну, рассказывайте.

– В понедельник Уэлли покинул свое рабочее место и доехал до придорожного паба в десяти милях от Портмадога в Уэльсе. Через несколько секунд после того, как он вошел в паб, со стоянки возле него отъехал «Форд Капри». Я отправил за ним хвост. Через пятнадцать минут хвост был сброшен – судя по описанию, вполне профессионально. То ли заметил, что мы за ним следим, то ли следовал стандартной защитной процедуре. Любопытно, что номера на машине были фальшивые – то есть незнакомец обезопасил себя со всех сторон. Номера

принадлежат «Датсуну», четыре года назад списанному в утиль. Возможно, между человеком на «Капри» и Уэлли нет никакой связи; однако бо?льшую часть времени, которую Уэлли провел в пабе, я наблюдал за ним. Он ни с кем там не разговаривал, но вышел из паба с конвертом. В последнем была видеокассета, которую он отвез на телестудию Би-би-си – и копия этой кассеты сейчас вставлена в видеомагнитофон.

Файфшир кивнул.

– Итак, о человеке на «Капри» мы практически ничего не знаем, и шансов его найти, если он сам не вынырнет, у нас немного. Я правильно вас понял?

– Правильно.

– Вы узнаете его, если снова увидите?

– Нет. Возможно, узнаю машину.

Запищал интерком. Файфшир нажал на кнопку, и в динамиках послышался голос его секретарши, достопочтенной Вайолет-Элизабет Трепп:

– Сэр Чарльз, к вам мистер Уордл и капитан Коулмен.

– Пусть войдут, мисс Трепп.

Назвать достопочтенную В.-Э. Трепп фурией значило бы смертельно оскорбить фурий. Медуза Горгона бледнела перед ней, как рогатка – перед нейтронной бомбой. Верная секретарша не просто оберегала Файфшира от посетителей – она защищала его, как ядерный щит. Чтобы пробиться к шефу по телефону, требовалась университетская степень по дипломатии, нечеловеческое терпение и куча свободного времени. Сначала она спрашивала: «Кто звонит?» Затем: «Сэр Чарльз ожидает вашего звонка?» И наконец: «Я узнаю, готов ли он поговорить с вами». Никто не избегал такого обращения: ни те, кто звонил каждый день, ни те, кто звонил по несколько раз в день, ни личные помощники, ни доверенные сотрудники, ни высокопоставленные чиновники, ни министр внутренних дел, ни премьер-министр. Всех подвергали одной и той же пытке. Не знаю, как реагировали другие, но сам я мечтал придушить мисс Трепп не меньше сотни

раз.

Эту проблему Файфшир решил в духе нашей конторы: соблюдая строжайшую секретность, установил у себя прямую линию, о существовании которой мисс Трепп не подозревала, и дал номер нескольким доверенным людям для экстренных случаев.

Двойные двери отворились, и вошли двое: один – невысокого роста, сидящий и лысеющий, лет пятидесяти пяти, в маловатом ему зеленом шерстяном пиджаке и великоватой кремовой рубашке; второй – лет тридцати восьми, черноволосый, шести футов росту, в коричневом двубортном блейзере с позолоченными пуговицами и темно-серых фланелевых брюках.

– Сэр Чарльз, – представил я их, – это Кен Уордл и Дик Коулмен из «Игровой».

«Игровой» мы прозвали отдел высоких технологий Центральной информационной базы, расположенной под Гайд-парком. Именно там силами самых гениальных (и самых недооцененных в стране) инженеров изобретается, совершенствуется и адаптируется под разнообразные нужды разведки сверхсовременное оборудование.

– Добрый день, – кивнул Файфшир. – Очень рад вас видеть. Не терпится узнать, что вы для меня приготовили!

Уордл и Коулмен вежливо улыбнулись; мы все трое едва заметно подмигнули друг другу: избранные школьники в кабинете директора, приглашенные показать, чего они стоят. Время Файфшира дорого – дороже, чем время большинства людей; надеюсь, он не сочтет это время потраченным зря.

– Можно начинать? – спросил я.

Файфшир кивнул. Уордл включил экран, а Коулмен нажал кнопку воспроизведения на видеомагнитофоне.

На фоне Красной площади в Москве в поле зрения камеры вошел сэр Айзек Квойт в макинтоше «Берберри» поверх костюма. Встал так, чтобы его было видно целиком, и остановился.

– Здравствуйте, – заговорил он. – Я сэр Айзек Квойт, глава Управления по атомной энергетике Великобритании. Для тех, кто не слышал об этой организации, поясню: она отвечает за развитие атомной энергетики в Соединенном Королевстве. Сейчас я нахожусь здесь, в России, поскольку ни в Англии, ни где-либо еще в свободном мире не чувствую себя в безопасности. Возможно, вы спрашиваете себя, не сошел ли я с ума. Ответ: нет, не сошел. Но я устал лгать вам, британскому обществу, устал кормить вас бесконечной мешаниной из перевернутых цифр и заявлений подкупленных ученых, за мзду твердящих то, во что сами не верят. Я устал возглавлять не серьезную организацию, а пропагандистскую машину, запущенную правительством, чтобы прикрыть нашу полную неспособность понять последствия и угрозы ядерной мощи, прикрыть тот факт, что мы преступно переоцениваем потребность нашей страны в электричестве как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, и, что еще преступнее, недооцениваем стоимость производства этого электричества. Коротко говоря: я устал лгать о том, что ядерная энергия безопасна и дешева. Она невероятно опасна – и не только потому, что почти полностью ответственна за все возрастающее в последние двадцать лет количество смертей от рака. Она способна стереть – и рано или поздно наверняка сотрет – с лица земли всю нашу страну. А стоимость атомной электроэнергии в ближайшие пять лет возрастет в восемь раз сравнительно с электроэнергией, получаемой обычными путями. Вся та ложь, которая выливается на вас, призвана спасти лицо правительства и рабочие места тысяч людей, трудящихся в сфере атомной энергетики. По поводу рабочих мест могу сказать, что обычные методы получения электроэнергии, вместе с изучением и развитием новых методов, создадут их гораздо больше, чем создают атомные электростанции сейчас.

Вы спросите: к чему же этот огромный и смертельно опасный обман? Посмотрим на возникновение атомной энергетики в нашей стране – и тогда, возможно, получим ответ.

Первый наш ядерный реактор, Колдер-Холл, заработал в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. Под камерами журналистов, съехавшихся со всего мира, королева включила Колдер-Холл в единую энергетическую систему: так начался ядерный век. Объем энергии, поступающей в единую энергосистему из Колдер-Холла, очень незначителен. Не ради этого построен Колдер-Холл; истинная его цель – производство плутония для ядерного оружия, а электричество – лишь побочный продукт. Ответ станет еще яснее, если мы заглянем за кулисы британских договоренностей с НАТО; тот же ответ предстанет нам, если заглянуть за кулисы договоренностей с США – а с Америкой у нас заключен

масштабный военный договор высокой степени секретности. Согласно этим договоренностям, основной наш вклад в общую систему обороны – не суда, не танки, не самолеты, не вооружение, не люди, а плутоний. Мы поддерживаем НАТО и США плутонием для ядерных бомб. Где проще всего производить плутоний? На атомных электростанциях. Плутоний, по уровню обогащенности почти идеальный для ядерного оружия, производится на атомных электростанциях как побочный продукт. Так что, как видите, огромный процент оборонного бюджета британского правительства скрыт в ваших счетах за электричество!..

Еще добрых минут двадцать сэр Айзек продолжал свою пламенную и вполне убедительную речь. Временами он немного отклонялся от темы, но основной его посыл звучал четко и ясно: британское правительство обманывает народ, и в результате этого заговора в стране строятся все новые и новые атомные электростанции – больше, чем может выдержать наш маленький остров. Британия, продолжал сэр Айзек, стоит на краю бездонной атомной пропасти. Вот-вот она ринется в долину смерти и отчаяния, откуда нет возврата. Всего одно серьезное происшествие – и на страну обрушится радиоактивный кошмар, который сделает ее непригодной для жизни.

Файфшир выслушал эту речь в потрясенном молчании. Когда сэр Айзек закончил, Коулмен нажал кнопку «пауза», и изображение на экране замерло. Темный силуэт главы Управления по атомной энергетике вырисовывался на фоне мавзолея Ленина – и выглядел сэр Айзек ровно так же, как в жизни, когда я пару раз сталкивался с ним в коридорах здания по Чарльз-Секонд-стрит. Впрочем, помнится, там он выглядел куда веселее, чем усталый, напряженный человек на экране. В сэре Айзеке было не меньше шести футов росту; был он очень полным, с тройным подбородком, на макушке красовалась блестящая лысина, но по бокам головы, закрывая уши, спускались нестриженные кудри. Внешность впечатляющая: что-то среднее между эксцентричным ученым, диккенсовским трактирщиком и огромным плюшевым мишкой. Под распахнутым плащом виднелась клетчатая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Сейчас сэру Айзеку было пятьдесят девять лет; женился он поздно, и четверо детей его еще ходили в школу – младшему было всего семь.

Файфшир медленно покачал головой, затем взглянул на меня.

– Безумие какое-то! Он свихнулся или ему промыли мозги... Я же прекрасно его знаю! Черт побери, две недели назад выпивал с ним – и ни о чем подобном и

речи не было! Он любит свою работу. И всегда любил. Очень странно все это...
Чертовски странно!

– Сэр, взгляните на часы сэра Айзека.

Я кивнул Коулмену: тот снова нажал на паузу, и фигуры на экране задвигались. Камера начала приближаться к правому запястью Квойта, пока его «Ролекс» не заполнил собой весь экран. Мы ясно увидели время на часах: семь часов десять минут. Секундная стрелка двигалась, так что часы не были сломаны.

– Семь десять, – продолжал я, – однако на Красной площади светло и гуляют люди. В это время года в Москве темно и в семь утра, и в семь вечера.

– Москва от нас в трех часовых поясах, – возразил Файфшир, – возможно, там десять тридцать утра. Квойт просто забыл перевести часы, и они показывают английское время.

– Возможно, сэр. Однако взгляните еще вот на это.

Изображение снова сменилось: теперь мы видели ноги сэра Айзека и булыжную мостовую под ними, затем серию увеличенных кадров с ногами других людей на площади.

– Я попросил Кена Уордла и Дика Коулмена повнимательнее изучить запись и посмотреть, не найдется ли здесь чего-то любопытного. Думаю, вы со мной согласитесь: кое-что любопытное нашлось. Время на часах сэра Айзека и в самом деле ничего не доказывает, но вот это... Кен, может быть, ты объяснишь?

– Конечно, Макс, – ответил Уордл. – Сейчас перед вами крупный план ног сэра Айзека и ног других людей на Красной площади. Даже на увеличенном изображении мы не можем невооруженным глазом разглядеть тени от ног. Будь день ясным и солнечным, мы бы ясно видели тени; в данном случае день, очевидно, пасмурный, свет рассеянный, и обычная контрастная телесъемка теней не улавливает. Однако их можно рассмотреть, если прогнать этот отрезок пленки через так называемый усилитель образов. Чтобы не углубляться в технические подробности, скажу просто: это примерно как поместить изображение под микроскоп.

Картинка на экране снова изменилась: человеческие ноги превратились в бесформенные образы, совсем темные и посветлее. Повторялась одна и та же картина: два темных пятна – и два пятна посветлее и поменьше, отходящие от них под углом.

– Сейчас вы видите ноги людей на площади и почву у них под ногами при сильном увеличении. Темные пятна – сами ноги, пятна посветлее – их тени на земле. Есть одна пара ног, рядом с которыми мы не видим пятен посветлее. Эти ноги не отбрасывают тени. Любопытно, не правда ли? Все, кто находится на Красной площади, отбрасывают тень, кроме одного человека – сэра Айзека.

– Вы думаете о том же, что и я? – медленно спросил Файфшир.

– Единственное возможное объяснение, – продолжал Уордл, – состоит в том, что во время съемок сэра Айзека на Красной площади не было. Либо он находился в студии с качественной системой фронт-проекции, либо его сняли на нейтральном фоне, а затем наложили изображение на видеозапись с Красной площади.

– Но еще любопытнее вот что, – вставил я, не давая Файфширу заговорить, и снова кивнул Уордлу.

Тени на экране сменились двумя графиками, один над другим. Выглядели они словно сравнение ежегодного объема продаж в отчете какой-нибудь торговой фирмы, – и верхний график, судя по всему, демонстрировал успехи, а вот для нижнего графика год выдался не слишком удачным. Уордл заговорил:

– Как вам, несомненно, известно, сэр Чарльз, сейчас мы научились снимать с записи человеческого голоса так называемый голосовой образец. Образцы голоса так же индивидуальны, как отпечатки пальцев: у двух разных людей образцы голоса совпадать не могут. На экране вы видите два графика: верхний – это образец голоса сэра Айзека Квойта, снятый с его речи, произнесенной в Оксфордском университете три месяца назад. Нижний – образец голоса, снятый с речи, которую вы только что прослушали. Нет ни малейшего сомнения, что эти голосовые образцы принадлежат разным людям.

Уордл извлек пачку «Дюморье», предложил нам всем; я взял сигарету и закурил. Файфшир извлек из серебряного портсигара огромную сигару и начал

производить над ней обрезание. Несколько секунд спустя он сказал:

- Так кого мы только что видели на экране?

- Сэра Айзека Квойта, - ответил Уордл. - Но на Красной площади он не был, и слышали мы не его голос. Вы, разумеется, знакомы с понятием дубляжа в кинематографе: фильм снимается на одном языке, а на звуковую дорожку записываются диалоги на другом языке, причем речь по возможности синхронизируется с движениями губ у людей на экране.

- Да. Предпочитаю субтитры... Продолжайте.

- Для видеозаписей сейчас доступны намного более сложные и тонкие техники дубляжа, чем для целлулоидных пленок. Электронный дубляж практически невозможно различить невооруженным глазом и ухом - только с помощью голосовых образцов.

- Странно для меня вот что, - добавил Коулмен. - Очень наивно со стороны русских думать, что никто не проведет такую проверку.

- Не забывайте, - ответил Файфшир, - что, хотя во многих областях русские идут с нами вровень, а кое-где, особенно в медицине и в некоторых космических технологиях, даже обгоняют нас, - во многих других областях они отстают от Запада. Просто посмотрите на их автомобили, фотоаппараты, навигационное оборудование! Не исключено, что они просто не в курсе продемонстрированных вами возможностей современной техники.

Коулмен кивнул.

- Должен признаться, - продолжал Файфшир, - все это проливает на исчезновение Квойта совершенно новый свет. Согласны, Флинн?

- Определенно, игнорировать все это неблагоприятно, - усмехнулся я. - Да и директор Би-би-си обидится. Он любезно предоставил нам лучшие полчаса сенсационного видео, согласился подождать с оглашением - и будет чертовски расстроен, если мы не оценим его сговорчивость по достоинству.

– Как любезно с его стороны поставить безопасность родины выше рейтингов! – едко заметил Файфшир. – Вообще-то я просто пригрозил ему положить на полку сериал о разведке, который они только что сняли, иначе он вообще не отдал бы нам пленку. Так что бессонницей из-за его оскорбленных чувств страдать не стану. Нам и без этого есть от чего потерять сон. На первый взгляд перед нами государственная измена и бегство к противнику. Квойт выступает по телевидению и сам объясняет свой поступок. Приводит резоны, заставившие его бросить семью, друзей, собаку, вообще все – и бежать в Россию, где он, насколько нам известно, никогда прежде не бывал. Поступок необычный, но такое случалось и раньше. Однако, заглянув за этот фасад, мы видим три любопытных факта. Во-первых, Квойт не перевел часы на местное время – а он человек внимательный и пунктуальный. Во-вторых, хотя нам показывают, что Квойт на Красной площади, на самом деле снимали его где-то в другом месте. В-третьих, голос, который мы слышим, принадлежит не Квойту. – Файфшир обвел взглядом меня, Коулмена, Уордла. – Сама кассета нам о чем-то говорит?

– Нет, сэр, – ответил Уордл. – Кассета «Филипс», самая обыкновенная. Такую можно купить где угодно.

– Как насчет частотности строк? Разве русское телевидение не работает с другой частотностью, отличной от нашей?

– Верно, – ответил Уордл. – Однако они могли записать обращение в своей системе, а затем конвертировать в нашу, с частотностью шестьсот двадцать пять строк.

– Значит, кроме странного отсутствия тени, ничто на этой видеопленке не доказывает с полной определенностью, что Квойта снимали не на Красной площади?

Уордл и Коулмен переглянулись, и Уордл ответил:

– Ничто, сэр Чарльз. Сэра Айзека могли снять где угодно, а пленок с изображением Красной площади полно в любой фильмотеке – просто вырежи из какой-нибудь кинохроники. Наложение и дубляж, несомненно, осуществлял профессиональный редактор на хорошем оборудовании – тоже не редкость.

Файфшир кивнул.

– Что ж, джентльмены, – обратился он к Уордлу и Коулмену, – вы дали нам немало пищи для размышлений. Уверен, вы оба люди занятые, так что не стану дольше вас задерживать. Есть еще вопросы, Флинн?

– Нет, сэр Чарльз.

Файфшир поднялся из-за стола. Этот трюк, изобретенный им много лет назад и отточенный до степени искусства, неизменно срабатывал. Кому и знать, как не мне, – поскольку на мне Файфшир испытывал его не меньше сотни раз! Таким способом он избавлялся от посетителей быстро, тратя минимум времени на обычные светские формулы, однако сохраняя впечатление безупречной вежливости и доброжелательности. Просто вставал и делал вид, что куда-то очень спешит. В результате все присутствующие быстренько убирались у него с дороги. Всклакивали на ноги, хватали портфели – или что там принесли с собой, торопливо жали ему руку и устремлялись к дверям. Файфшир провожал их взглядом, застыв с видом бегуна на старте в нетерпеливом ожидании сигнала, – а когда за ними закрывалась дверь, довольно ухмылялся и вновь занимал место за столом.

Когда мы остались вдвоем, он закурил сигару и некоторое время сосредоточенно втягивал дым.

– Итак, вполне возможно, что Квойт в Англии. Но где бы он ни был – свободен он или в плену?

– В плену. Наверняка. Участвуй он в этом по доброй воле, не было бы нужды подделывать голос.

Файфшир кивнул:

– Согласен. Больше того: он не пересекал границу.

В прошлый раз, когда я здесь сидел, Файфшир вышел из себя. Не так уж часто шеф впадает в ярость, но когда впадает – на глаза ему лучше не показываться. В чем я и убедился через два дня после того, как бедняга Ахмед встретил свою судьбу в мужском туалете гостиницы «Ройял Ланкастер». «Отрубленная голова на полу уборной в четырехзвездочной гостинице, – сказал тогда Файфшир, – это

еще туда-сюда. Это как-то можно пережить. Но отрубленная голова в уборной, автотрюки на угнанном такси и полная машина арабов, расплющенных колесами грузовика, – это уже слишком!»

– Такое, черт побери, терпеть нельзя! – так закончил Файфшир свою пламенную речь.

– Никак нельзя, сэр, – покаянно согласился я.

– Меня держит за горло Скотланд-Ярд. Держит за горло министр внутренних дел. Держит за горло министр иностранных дел. Держит за горло МИ-шесть. Держит за горло министр обороны. А теперь меня еще будут держать за горло чертовы ливийцы?! Да я задохнусь, к чертовой матери! Премьер-министр требует доклада, репортеры на всех окнах висят... Что, обязательно надо было всех убивать? Никак нельзя было не толкать арабов под чертов грузовик?

– Я просто пытался их остановить.

– Что ж, Флинн, это вам удалось! Остановить вы их точно остановили... Причем остановили атташе по культуре при ливийском посольстве, его личного секретаря, заместителя министра культуры и ведущего ливийского специалиста по иконам.

– Может, им не стоило резать людям головы и стрелять посреди улицы?

– В обломках машины не нашли ни «стволов», ни ножей.

– Простите, сэр, должно быть, они их съели.

Новость о Дональде Фроуме очень расстроила Файфшира. Тем более что была очень похожа на правду: донесения от Фроума действительно прекратились. Дональд был одним из ключевых агентов Файфшира: он успешно внедрился в международную террористическую организацию и занял там положение, открывающее доступ к достаточно серьезной информации. Если он раскрыт или погиб, потребуются годы, чтобы заменить его; а судя по словам Ахмеда, с беднягой произошло и то и другое. Второе известие от Ахмеда – об угрозе атомным электростанциям – Файфшира тоже не порадовало. Тем более что и оно

совпадало со сведениями, полученными из других источников.

Тогда-то Файфшир и отправил меня изучать британскую атомную энергетику. Это, в свою очередь, привело меня к круглосуточной слежке за Уэлли, а слежка – к видеокассете, изображение с которой застыло сейчас на экране справа от письменного стола. За четырьмя арабами, погибшими в машине, ничего криминального не числилось, и только моя глубокая убежденность заставила Файфшира нехотя дать «добро» на весь проект. Чтобы не ударить в грязь лицом, мне надо накопать что-то по-настоящему серьезное. И вот сегодня наконец забрезжила удача. По лицу Файфшира я видел: если это и не горшок с золотом, то, по крайней мере, мы наткнулись на конец радуги.

– Сэр, почему вы уверены, что сэр Айзек еще в Англии?

– Мы опросили сотрудников паспортного контроля во всех морских портах и аэропортах Великобритании, дежуривших с момента исчезновения Квойта. Проверили все посадочные списки в аэропортах, опросили почти все команды самолетов и теплоходов. Никто его не видел. Не видели никого, даже отдаленно похожего на него. А внешность у Квойта запоминающаяся – такую фигуру не замаскируешь да и забудешь не скоро. Конечно, само по себе это еще ничего не доказывает – каждый час страну покидают сотни судов и самолетов, – но у меня есть и доклад нашей разведки из Москвы, и он подтверждает мои подозрения. В докладе говорится: в ближайший понедельник, в десять утра из Англии тайком вывезут какого-то важного человека. Рейсом Аэрофлота в Москву. Предположительно, ученого или чиновника, много знающего о наших последних научных разработках.

– Наш друг под описание подходит, – заметил я.

– Очень подходит. – Файфшир снова поднес зажигалку к сигаре, неровно обгоревшей.

– Если мы на правильном пути, сэра Айзека похитили русские. Они отвезли его на тайную телестудию, находящуюся где-то в Англии, и заставили говорить. Может быть, он не понимал, что это студия, может быть, не понимал, что его снимают. Затем они накладывают дубляж – отлично синхронизированную речь другого человека. Содержание ее мы слышали. Фоном к изображению ставят Красную площадь и отправляют кассету в Би-би-си. Все это вполне возможно...

вот только не имеет никакого смысла. Скорее похоже на розыгрыш каких-нибудь безумных экологов, из тех, что протестуют против АЭС.

- Не исключено, - кивнул Файфшир, - но крайне маловероятно.

Я кивнул и закурил новую сигарету.

Достопочтенная Вайолет-Элизабет Трепп принесла нам кофе. По цвету этот благородный напиток напоминал чай из пакетика пятилетней давности, по вкусу - парафин. Файфшир подождал, пока она уйдет, и вылил кофе в горшок с фикусом на подоконнике.

- А еще удивляется, почему ни один фикус у меня дольше нескольких недель не выживает!.. Если это русские - а я не сомневаюсь, - не могу понять, зачем им Квойт. Информация о наших ядерных программах открыта, причем во многих областях атомных технологий русские подкованы даже лучше нас. Самое странное - вот эта обличительная речь. Чего русские надеются добиться, сея панику по поводу наших атомных электростанций? Хорошо, допустим, они возбудят общественное мнение, поднимется крик против ядерного оружия, снова пойдут разговоры о разоружении. Возможно, правительство отступит на несколько шагов, пойдет на какие-нибудь не слишком серьезные уступки, даже согласится пересмотреть ситуацию с ракетными базами США. Но всего этого можно достичь куда проще. Десятки членов Движения за ядерное разоружение сидят у русских на зарплате - и отрабатывают свои денежки, вопя на чем свет стоит. Русским мало?.. Все равно не понимаю.

- Полагаете, прикрытие?

- Да, скорее всего. Для «Операции Ангел» - что бы это ни было. Хорас Уэлли, «Операция Ангел», Ливия, Дейк Шледер, русские - ничего себе головоломка! Мы должны понять, что происходит, Финн, и понять быстро. Идет игра международного масштаба, а нам забыли прислать экземпляр правил - значит, правила придется выяснять самим.

- История с Уэлли и кассетой мне непонятна. Зачем было тащить его в Уэльс, там вручать ему кассету и заставлять везти ее обратно в Лондон? Как по мне, выглядит очень странно.

– Разные могут быть причины. Например, требовалось проверить, не следят ли за ним. Или, скорее, помочь ему сломаться – сделать первое задание простым, но физически затратным и утомительным, к тому же достаточно таинственным, чтобы он ощутил причастность к чему-то непонятному и волнующему. Или проверяли, будет ли он следовать указаниям, – стандартная практика с новичком. И потом, мы ведь не знаем – может быть, он тоже что-то привез с собой. Что Уэлли делал после того, как избавился от кассеты?

– Ничего. Во вторник утром, отдав кассету вам, я перерыл весь его кабинет, однако ровно ничего не нашел. Смотрел чертовски внимательно, благо спешить было некуда. После Би-би-си он поехал напрямик домой, оттуда позвонил на работу, сказал, что простудился и сегодня не придет. Оно и понятно: я и сам черт знает как вымотался. Ему хотя бы удалось три часа поспать! Весь день Уэлли отдыхал дома – спал, смотрел телевизор, немного возился в саду...

– Жена не спрашивала, где он был?

– Нет. Это обычная часть его работы: инспектировать атомные электростанции внезапно и без предупреждения, в том числе и среди ночи. Вчера он пошел на работу и не разговаривал ни с одной живой душой. Даже не звонил.

– Просто Джекил и Хайд, – пробормотал Файфшир.

– Если Би-би-си не предаст эту запись огласке и даже не упомянет о ней, разве русские не удивятся? Они, скорее всего, ждут, что на фоне поисков Квойта новость об этой записи появится во всех газетах и на всех телеэкранах страны.

– Да, думаю, держать ее в тайне не стоит. А задержку можно объяснить тем, что в Би-би-си проверяли, не фальшивка ли это, и пришли к выводу, что запись подлинная. Мы ведь не хотим, чтобы наши русские друзья узнали, что нам что-то известно.

– Тем более необходимо найти Квойта до того, как его посадят на самолет.

– Не так-то это легко – найти его...

– Если он летит на самолете определенным рейсом, значит, его привезут в аэропорт Хитроу. А как иначе? Не на лету же они его в самолет запихнут и не на аркане потащат!

– И как, по-вашему, он попадет в Хитроу? – сухо спросил Файфшир. – В вагоне первого класса с большим плакатом на груди: «Я бегу в Россию»?

– В багажном отделении, – ответил я.

– Русские не дадут нам и близко подойти к своему багажу. Можно не надеяться, что нам удастся на него взглянуть.

– А если перехватить Квойта раньше, до багажного отделения?

– Тогда придется останавливать и обыскивать весь транспорт, прибывающий в Хитроу и к пассажирским, и к грузовым терминалам. Получится пробка миль на пятьдесят – и все равно никакой гарантии, что мы его найдем. Бедолагу запросто могут засунуть в какой-нибудь контейнер и запрятать поглубже в кузов грузовика – а перерыть все контейнеры, едущие в Хитроу, мы точно не в силах.

– Разыскать Квойта до того, как его повезут в аэропорт? Скорее всего, русские держат пленника на конспиративной квартире. У нас ведь есть список русских конспиративных квартир?

– Дом на северо-западе Лидса. Особняк с двадцатью семью спальнями близ Севинокса. Особняк с одиннадцатью спальнями близ Киренчестера. Замок с сорока четырьмя спальнями вблизи Энгмеринга в Сассексе, сейчас используется как загородный клуб. Дом с девятью спальнями и поместье площадью в восемнадцать с половиной тысяч акров, включающее в себя две деревни и сорок восемь служебных построек, в тридцати милях от Абердина в Шотландии. Семь домов разных размеров разбросаны по Лондону. Это те двенадцать конспиративных квартир, которые нам известны; а есть еще не менее двадцати пяти, о которых мы лишь догадываемся. Сегодня утро четверга, самолет Квойта вылетает в десять утра в понедельник – значит, у нас меньше четырех дней. За это время придется получить чертову прорву ордеров на обыск, постучать в чертову прорву дверей и обшарить множество чуланов, подвалов и шкафов.

Наступило долгое молчание; Файфшир дымил сигарой, я раздумывал.

– Если мы перехватим Квойта, – сказал я наконец, – то, возможно, сумеем выяснить, что задумали русские. Если нет, придется ждать их следующего шага. А как насчет отдыха Уэлли на яхте у Шледера? Вы выяснили о Шледере что-нибудь еще?

– О да, – мрачно ответил Файфшир, – выяснил, и немало.

Глава 8

По взлетной полосе московского аэропорта Шереметьево разгонялся «Ил-62». Четыре турбореактивных двигателя Кузнецова жадно поглощали керосин и превращали эту драгоценную жидкость в нечто еще более драгоценное, по крайней мере, для пилота – толчок силой в девяносто две тысячи фунтов, способный разогнать «Ил» до ста сорока миль в час. Именно такая скорость требуется, чтобы оторваться от взлетной полосы.

При прочих равных капитан Юрий Громкиян предпочитал летать летом; однако, когда самолет набит под завязку и несет максимальный вес, бо́льшая плотность воздуха делает полет безопаснее. В этот ноябрьский день, когда температура воздуха в четыре часа дня около нуля, «Илу» нужен разгон на четыреста ярдов короче, чем летом.

Краем глаза капитан смотрел, как второй пилот Виктор Киевич в последний раз проверяет двигатели и навигационные приборы, готовясь считывать показатели скорости. Сам Громкиян не отрывал взгляд от узкой ленты взлетной полосы, что расстилалась перед ним, становясь все короче и короче.

– Сто двадцать... сто тридцать... сто тридцать пять... – начал считать Киевич.

Через три секунды они достигнут точки невозврата, точки, после которой нужно взлететь – или разбиться, ибо, не взлетев, самолет пробьет ограждение, пересечет шоссе и протаранит здание аэропорта.

– Один-четыре-ноль!

Громкиян потянул штурвал на себя: нос самолета задрался и взлетная полоса стремительно ушла вниз. Когда он только учился летать – еще на одномоторных самолетах, – сразу после взлета следовало слегка толкать штурвал вперед, чтобы обеспечить доступ воздуха под крылья; но этот огромный самолет поднимали не воздушные потоки, а мощные реактивные двигатели. Держа нос самолета под углом семнадцать градусов кверху, полностью открыв дроссели, Громкиян приказал Киевичу убрать шасси. Тот передвинул рычаг в верхнее положение, а затем нажал на кнопку, отключающую световое табло «Не курить» перед одним из пассажирских мест – местом номер 169.

Оба пилота знали, что в этом кресле путешествует особенно важный пассажир – заместитель главы КГБ Николай Стачинов[8 - Здесь и далее: роман вышел в свет в 1982 г. и, соответственно, описывает события 1981 г.]. В этот воскресный день он летел в Лондон, а на следующее утро должен был вернуться в Москву. Стачинов курил сигареты одну за другой, и экипажу ясно дали понять, что ради него надо пренебречь обычными правилами.

На высоте в две тысячи футов, где появились первые клочья облаков, Громкиян включил автопилот, уже запрограммированный на полет в Лондон. Почти сразу самолет накренился, делая широкий плавный поворот налево и вверх, а затем начал выравниваться.

– Виктор, чем займешься вечером в Лондоне? – спросил Громкиян.

– Нажрусь гамбургеров из «Макдоналдса» и трахну сисястую негритяночку.

– Чур я с тобой! – воскликнул Йолеф Стиц, бортинженер, сидевший сзади.

– И я! – ухмыльнулся Громкиян.

– Я с вами, – добавил радиооператор Василик.

Кивнул и навигатор Коржов.

– Ботник из посольства обещал все организовать. Говорит, негритянка в Лондоне стоит сорок рублей.

– Сорок рублей!.. – присвистнул Стиц. – Только мне без золотых зубов! А то они вечно все с золотыми зубами!

– Тебе, может, вообще лучше парня? – усмехнулся Громкиян. – Помнишь свою нью-йоркскую историю?

Эту историю помнили здесь все. Отдыхая после перелета в Нью-Йорк, Стиц снял на улице негритянку – настоящую красавицу, да еще и умопомрачительно дешевую. Завалился с ней в кровать – и обнаружил, что у девки ни сисек, ни дырки, зато имеются яйца и восемь дюймов крепкого черного члена!

На высоте семнадцати тысяч футов самолет прорвал облака и выплыл в пылающее закатное небо. Зимнее солнце – тусклый красный шар – висело в небесах, казалось, совсем рядом, только руку протяни. Через час почти стемнеет. Через шестьдесят пять минут они минуют Ригу, а еще через час с четвертью пролетят над Гельголандом. Затем повернут на несколько градусов налево, пересекут Северное море, пролетят над нефтяной вышкой Клэктон и направятся к лондонскому аэропорту Хитроу. Приземлятся в пять часов по местному времени, а в половине седьмого будут уже в посольстве. Интересно, думал Громкиян, Ботник организует вечеринку прямо в посольстве или они куда-нибудь пойдут? Лучше пойти в город: ему нравилась атмосфера ночного Лондона, особенно по воскресеньям.

Кабину пилотов отделяла от пассажирского отделения пуленепробиваемая дверь, открывавшаяся только со стороны пилотов – мера против террористов и угонщиков. По другую сторону двери сидели в креслах сто пятьдесят пассажиров: заместитель председателя КГБ, несколько советских дипломатов (среди них один агент КГБ и два агента ГРУ), два английских дипломата, группа инженеров, летящая закупать в Англии сельскохозяйственную технику, двенадцать англичан – производителей верхней одежды, преподаватель из Уэльса с женой – они возвращались домой после медового месяца, разношерстная группа бизнесменов и туристов. Все они – а также стюардессы в строгих костюмах и обычная для Аэрофлота вооруженная охрана – расслабились и вздохнули спокойно. Взлет пережили; осталось пережить обслуживание в полете и посадку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

МИ-5 (англ. MI-5) – служба контрразведки Великобритании.

2

«Сюртэ насьональ», «Сюртэ» («Безопасность») – Главное управление национальной безопасности Министерства внутренних дел Франции.

3

МИ-6 (англ. MI-6) – служба внешнеполитической разведки Великобритании.

4

Джеллаба – традиционная берберская одежда, представляющая собой длинный, с остроконечным капюшоном свободный халат с пышными рукавами; распространена в странах Северной Африки.

5

Названия знаменитых германских военных кораблей.

6

Район в центре Лондона.

7

В Бисли, гр. Суррей, расположена штаб-квартира Национальной стрелковой ассоциации Великобритании, а также самые большие в стране стрельбища.

8

Здесь и далее: роман вышел в свет в 1982 г. и, соответственно, описывает события 1981 г.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/piter-dzheyms/atomnyy-angel>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)